
18+
Лариса Тимофеева
Утопия о бессмертии
Знакомство

Лариса Тимофеева

Утопия о бессмертии. Знакомство

«Издательские решения»

Тимофеева Л.

Утопия о бессмертии. Знакомство / Л. Тимофеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554494-0

Она потеряла дочь и решила, что единственной оправданной для неё причиной жить может стать любовь. Она просила о суженом, о том, кого нельзя не полюбить. И встретила его.Первый секс ошеломил обоих. Довольно скоро они замечают, что их тела омолаживаются.Он называет её Маленькой.

ISBN 978-5-00-554494-0

© Тимофеева Л.
© Издательские решения

Содержание

К читателю 6
Встреча 8
Глава 1. Стамбул 15
День первый 15
День второй 21
День третий 39
День четвёртый 51
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Утопия о бессмертии. Знакомство

Лариса Тимофеева

Дизайнер обложки Лариса Тимофеева

© Лариса Тимофеева, 2025
© Лариса Тимофеева, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0055-4494-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К читателю

Я живу свою третью жизнь. Первые две жизни я прожила и сейчас живу третью.

Первая моя жизнь закончилась в пятьдесят пять лет. Она была полным несчастьем.

Вторая жизнь была прямой противоположностью первой – я была напоена и упоена счастьем.

Я любила.

Я и сейчас люблю, но тот единственный, для кого пылает моё сердце, ушёл.

Он обманул. Говорил: «Ты моя навсегда», и обманул – ушёл, оставив меня одну.

Он тоже живёт свою третью жизнь. В первой он был успешен и одинок. Впрочем, успешен в делах он в любой жизни. Как охарактеризовал его мой отец – он акула в бизнесе. Ну да не это важно. Во второй жизни – со мной, он познал отцовство, познал счастье жизни в семье. А потом он обрёл Могущество и отдал и своё, и моё счастье в обмен на победу над теми, кто угрожал его империи. Он по собственной воле отправился к ним – отвлекая внимание на себя, дал возможность своим сыновьям законопатить все щели, как физические, так и виртуальные, которые эти твари могли бы использовать для бегства.

Твари – это те, кто обладали безграничной властью. Цель их жизни состояла в том, чтобы стоять сапогом на горле человечества и давить, давить, чтобы не было в мире иного мнения, чем то, что им выгодно вложить в мозги людей. Их безграничная власть не могла наделить их Могуществом, потому что для обретения Могущества человеку надо стать подобным Богу – уметь любить. А они умели лишь бояться и ненавидеть.

Мой любимый их победил. Я знаю, что он пострадал в этой схватке, но не знаю насколько. Я хотела мстить, ведунья мне когда-то предсказала: «Кровью демонов руки омоешь», но мстить оказалось некому. Мой любимый уничтожил их качественно. Он спалил их энергией Любви, высокочастотного огня которой их жалкие, вожделеющие власти души выдержать не смогли.

Вы скажите: «Любовью нельзя убить, Любовью можно только возвысить». Я отвечу. Любовь – это протоэнергия, первородная ткань мира. Любовь – основа мира. Любовь пронизывает мир, и именно Любовь соединяет в структуру отдельные фрагменты от самых малых до самых больших, именно Любовь сохраняет устойчивость структур. Наделённый Священным Правом Выбора человек может любить подобно Богу, а может избежать Любви – заткнуть божественный поток в себе пробкой обид и страхов. Твари заткнули свой божественный поток жаждой власти и, утратив высокую частоту души, сгорели в очищающем огне Любви. Ну да Бог с ними, их уже нет в нашем мире.

Перед тем, как отправиться в их логово, мой любимый связался со мной. Стараясь его удержать, я выкрикнула свой главный аргумент:

– Я не хочу быть беременной без тебя!

Я ещё не поставила его в известность о своей третьей беременности. Но он тихонько рассмеялся и воскликнул:

– Маленькая, но ведь ты уже беременна! Мои сыновья Тимофей и Никита уже живут в тебе!

– Серёжа! Серёжа!! Серёжа!!! – зашлась я в крике.

– Ч-ч-чи… Маленькая, помолчи. Не всегда нужно говорить. Помолчи… я целую тебя…

После того, как мы вернулись из туннеля, нам не требуются средства связи, мы связываемся, просто настраиваясь друг на друга. Кажется, это называется телепатией. И чтобы почувствовать его ласки мне достаточно отдаться им…

Потом он закрылся экраном. И вот уже шесть лет я не могу пробиться через этот экран. Наши средние дети – Сашка и Андрей общаются с ним, но не я. Меня он выставил из своей жизни, разделил нашу общую жизнь на две – свою и мою.

Я надеюсь, что он занят регенерацией своего тела, а, возможно, ему нечего регенерировать, и он растит новое тело. А, возможно, он ждёт меня, чтобы уйти из воплощения вместе. Вместе, как он и обещал.

Но и тут не всё так, как мне бы хотелось. Помимо вечной молодости я обладаю ещё одной особенностью – я живуча. Я всегда выживаю. Я выжила, когда похоронила свою первую дочь, – поставила перед собой цель научиться любить и выжила. И сейчас, когда вновь потеряла смысл жизни, я тоже выжила. Надо было выносить и родить Тиму и Никиту, а теперь – вырастить их и воспитать.

Поэтому, милый, тебе придётся найти способ вернуться ко мне – кто его знает, как долго тебе придётся ждать того времени, когда и мне придёт пора уходить с Земли!

Возвращайся! Я люблю тебя!

Я не одинока в общечеловеческом смысле этого слова. У меня шестеро детей, у моих старших детей есть дети – мои внуки, у трёх моих внуков уже тоже есть дети. Все они любят меня и никогда не оставляют одну. Чаще других меня навещает старшая дочь Катя. «Мамочка, я опять еду тебе надоедать, – уведомляет она меня из Бордо-Мериньяк и шаловливо спрашивает: – Примешь?»

Я живу в деревушке поблизости от Бордо, округ Жиронда в Северной Аквитании. Где и жить русской графине как не на родине своего отца? Это шутка. Я здесь, потому что здесь тихо, я здесь, потому что не знаю французского языка, и моё общение с людьми сведено к нулю.

Втайне от детей я занялась описанием истории нашей семьи, это был прекрасный способ сбежать из реальности в ту жизнь, где была счастлива.

Теперь, дорогой читатель, ты понимаешь, какой отрадой явился для меня труд излагать на бумаге свои воспоминания.

P.S. Имена я изменила.

Встреча

Все аэропорты похожи. Пронизывающими взглядами службы охраны, лицами пассажиров – слепые, в глазах только терминал, бегут на посадку одни; другие ждут, устало развалившись в креслах и скучливо рассматривая царившую вокруг суету.

Я тоже жду. Рано приехали, потому что страна чужая. Вдруг что по дороге? К тому же в гостинице каждые десять минут взгляд на часы. Лучше уж в порт, да и к дому ближе!

Перелёт долгий, с посадкой в Стамбуле. В тесном кресле почти девять часов. Так дешевле. Цена неудобства двести долларов, на двоих – четыреста.

Оглянувшись, я скользнула взглядом на группку вновь прибывших. Похоже, соседи. Турки. Семья. Папа, мама, трое деток.

Я отвернулась и… вновь вернулась взглядом в ту же точку. Глаза. Смотрят неприлично в упор, внимательно, тепло. Не отпускают.

Я стеснительная, смущение прячу за показным равнодушием, а тут… только что рот не раскрыла. Внутри, в груди, как будто струна натянулась, вибрирует. Я и дышать перестала.

Выше среднего роста, волосы седые, несколько более длинные, чем модно, губы твёрдо очерчены, чуть (или показалось?) улыбка. Я резко вздохнула и спрятала глаза.

– Лида? Ты не узнаёшь меня?

Мужчина обогнул сосущую леденец турецкую девочку и устремился ко мне.

– Я Сергей. Школа. Мы с тобой в школе учились. Помнишь?

Я робко встретила смеющийся взгляд. «Серёжка?! Он же маленький был! Моего роста!»

– Лидка-а-а!

Я взмыла вверх. Он крепко прижал меня к себе. Я почувствовала его губы на щеке – сухие, теплые, и уткнулась носом в его шею. Колко. Пахнет хорошо.

Наш танец встречи затянулся. Я попросилась вниз и увидела Костю. Переводя взгляд с меня на Сергея и обратно, он стоял в метре от нас, ждал, уже готовый улыбаться, знакомиться.

Скрывая смущение, я принялась поправлять сползший набок шарф, и буркнула:

– Кость, познакомься, это мой школьный товарищ Сергей. Сергей, это мой муж Константин.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Сергей. Рад знакомству.

– Костя. Очень приятно.

Стоят, головы вровень. А у Костика, между прочим, 188 сантиметров рост. Расцепили руки, неловко мнутся с ноги на ногу. Молчим. И вдруг разом все трое:

– Ну что? Куда вы?

– Куда летишь?

– Ты как здесь?

Оказалось, нам по дороге, в один самолёт, только Сергей летит в салоне бизнес класса.

Вновь пауза как омут. Я набрала в грудь воздуха и защебетала. Рада, мол, встрече, удивлена, как изменился. Он усмехнулся.

– Постарел. Седой вот совсем, – он провёл рукой по волосам. – Чёрт, жизнь летит… – потом тот же взгляд на меня – внимательный, но без улыбки: – А ты – нет. Такая же…

Я захлебнулась вдохом, глаза метнулись к Косте, обратно, и пролепетала:

– Жизнь… да. Я… мне приятно… – вдруг где-то взяла спокойствие и тихо выговорила: – Я рада тебе.

Костик откуда-то сбоку объявил, что пойдёт узнает, когда объявят регистрацию. Я с трудом отвела взгляд от Сергея и кивнула мужу в спину.

Мы сели. Сергей начал говорить: летит в Стамбул на встречу с партнёром… нужно выбрать управляющего… дело в Турции растёт…

Потом прервал сам себя, заглянул мне в лицо и признался:

– Не могу в себя прийти… по ошибке раньше времени в порт приехал, а тут ты… Ты… вы в Алма-Ате до сих пор?

Он никогда не был моим героем. Всего один год мы учились в одном классе. Я дружила с другим мальчиком и через год после школы вышла замуж. О нём не вспоминала. Сейчас не могу выбраться из его взгляда, дышу ароматом его парфюмерии и хочу (да, хочу!), чтобы это продолжалось.

– Да, – отвечаю, – в Алма-Ате. Теперь правильно – Алматы.

Он взял мою руку и поднёс ко рту, шёпотом, губами касаясь пальцев, произнёс:

– Глаза смеются не так, как раньше. Там глубоко на донышке печаль. Или боль?

Почти беззвучно я повторила:

– Боль… печаль… Вина.

Он молча целует мои пальцы и ждёт продолжения. Я отняла руку.

Появился Костя из-за угла, сообщил, что объявили регистрацию. Сгрёб наши куртки – свою и мою, схватил меня за руку и потащил за собой к терминалу.

Оказалось, что для большего удобства Сергей покупает два билета. У регистрационной стойки, глядя на Костю, он предложил мне присоединиться к нему в бизнес классе.

Костик, радостно кивая, заверил, что ему тоже будет комфортнее на двух-то креслах, и сей же час, как только взлетим, он сразу и уснёт. И вообще он очень рад, что у нас есть возможность пообщаться, навспоминаться, полёт-то длинный.

В бизнес класс меня привёл посланный за мною стюард. Прежде чем сесть в кресло, я сняла обувь и забралась в кресло с ногами – кресло было мягкое, широкое, в таком хорошо бы и до Алматы. Глядя на меня, Сергей улыбался, но, кажется, улыбался чему-то своему.

– Что-то хорошее вспоминаешь? – спросила я.

– Тебя.

– Сравниваешь?

– Радуюсь. Тебе.

Мне стало так хорошо, что и не припомню, было ли так же хорошо хоть раз за последние десять лет.

Но хорошо долго не бывает. Табло объявило, идём на взлёт. Ноги пришлось с кресла спустить и пристегнуться. Я откинулась на спинку, расслабилась и закрыла глаза. Раньше я плохо переносила что взлёт, что посадку, потом моя дурнота куда-то делась, но привычка прислушиваться к себе осталась. Я вспомнила, что Костя на взлёте держит за руку так, будто опасается, что я выпрыгну из кресла, а то и вовсе из самолёта, и улыбаюсь. «Как он там?»

– Ты как? – слышу я и открываю глаза.

Зелёные с золотыми искорками глаза участливо встревожены, влекут и проникают одновременно. Обволакивают теплом.

– Боишься летать?

Я отрицательно качаю головой.

– Всё хорошо! Не боюсь я летать, – и, подтянув к груди коленки, развернулась к нему. – Расскажи о себе. Ты женат? Дети? Внуки?

Он улыбнулся.

– Допрос?

Я утвердительно кивнула головой.

– Ага. С пристрастием, то бишь, с пристрастным любопытством. Кольцо, вижу, не носишь.

– Тебе как? С подробностями или сухие факты подойдут?

– Сухие. Сначала. К подробностям перейдём потом.

Из меня испарилось смущение, и, как в таких случаях бывает, на смену смущению пришёл чертёнок.

– Хо-ро-шо, – произносит он по слогам и отчитывается скороговоркой: – Холост. Детей нет, соответственно, и внуков тоже. Родителей уже нет в живых. Женат никогда не был, не гожусь, видать. Какие подробности леди интересуют? – он вопросительно уставился на меня и, спохватившись, прибавил: – Ах да! Забыл главное! Женщин люблю!

По мере поступления «фактов», я наполнялась удивлением и вопросами, но вовремя подавилась самым интересным для себя: «Как это – „не гожусь“?»

Сергей отвернулся и вытянулся в кресле, бросив вперед длинные ноги. Его рука лежала на подлокотнике, я положила сверху свою. Кисть его, так это вдвое против моей. Я провела пальцем по рисунку вен, вены не выступали над поверхностью, просто просвечивались сквозь кожу. Чертёнок, не покидающий вахту, требовал дурацких действий, и я потянула руку к себе. Безрезультатно. «Серёжка, я же знаю, всё твоё внимание сейчас сосредоточено на этой твоей руке!» – воззвала я мысленно и, демонстрируя усилие, обеими руками постаралась отлепить его пальцы от подлокотника… ойкнула от неожиданности, когда рука метнулась, и обе мои ладошки оказались в плену.

– Леди флиртует? – вопрошает он насмешливо и приближает ко мне лицо.

– Угу, – мычу я и шепчу: – Отпустишь?

Он покачал головой – нет. Его дыхание, как ветерок на моей коже. Хочу закрыть глаза. Струна в груди звенит, мешает дышать. Сейчас поцелует… и я испугалась, дёрнулась в сторону.

Он разжал ладонь, вновь растянулся в кресле и прикрыл глаза.

– Ты совсем не изменилась, – говорит и добавляет: – Только теперь я уже не мышка.

«Да и я теперь не та юная девчонка… – соглашаюсь я мысленно, и тут до меня доходит вся неуместность и нелепость моего поведения. Передо мною старость уже гостеприимно распахнула ворота, а я флиртую, обмираю… – Господи! – ужаснулась я, – нет ничего более смешного и жалкого, чем престарелая кокетка!» Я притронулась пальцами к разгорающейся щеке и, чтобы пресечь стремительное падение в бездну стыда, спросила:

– Ты где живёшь?

Сергей не отозвался.

– Серёжа… – позвала я.

И снова молчание в ответ.

– Ну вот и славно, – говорю, – будем молчать. Если честно, я не знаю, о чём говорить. И как себя с тобой вести, тоже не знаю.

– Живу в Дюссельдорфе, – отозвался он. – Много езжу, так что чаще живу по гостиницам. Прага, Лондон, городки в Италии, Португалии, на этот раз Стамбул.

– А гражданство?

– Россия. Но, наверное, начну оформлять в Германии. Давно бы надо, чего-то тяну. Россиянин я, – закончил он как-то недобро, с нажимом.

– Россию не любишь? – спросила я.

– Власть не люблю. Российскую. Всё через *опу. Время идёт, ничего не меняется. Я и бизнес в России свернул, точнее, сам свернулся из бизнеса.

– Вынудили?

– Отдал другу. Мы с ним начинали в 90-тые, много раз в долгах оставались, карабкались, пока не нашли своё. У него семья, жена из России уезжать не хочет, вот и стал он единоуправным хозяином.

– А я к власти отношусь ровно. Управляют, как могут.

Он взглянул с интересом.

– Далеко от комплемента! Что взять с убогих?

Я пожала плечом.

– Они такие, каких мы заслуживаем. Профнепригодное чиновничество есть лишь отражение утратившего патриотизм народа. Жалеешь? – вернулась я к первоначальной теме и, увидев непонимающий взгляд, пояснила: – Что бизнес отдал?

– Нет, – ответил он легко, с улыбкой, – дружок мой теперь у меня в долгу. Никак не придумаю что с него содрать! – он подмигнул и как-то совсем по-мальчишески рассмеялся.

Стюарды сновали по салону, без конца что-то предлагая. Сергей взял вино.

– А ты? – спросил он у меня. – Так и не научилась?

– Не-а. Я лучше сок. И лучше несладкий.

Я давно уже привыкла к шаблонной реакции людей на мой ответ «не пью и никогда не пила». На первую часть фразы бывает понимающая, а то и сочувствующая реакция, дескать, здоровье не позволяет, а то и нельзя, потому как «завязала». А конец фразы всегда вызывает удивление. Как будто нет на свете людей сознательно непьющих.

Серёжка помнит мою особенность. В школьные годы мы раз в неделю у кого-нибудь дома устраивали так называемый бардак. Почему сие мероприятие называлось «бардак», история не сообщает, у нас же всё происходило мирно. Спиртное там было обязательно. Помню, как девчонки стыдливо хихикали, попивая дешёвенькое винцо, а парни изображали из себя опытных мужчин. Потом мы танцевали под винил и непременно в темноте. Потом расходились. На этих «бардаках» Сергея я даже не помню. В отличие от других ребят он демонстрировал интерес к учёбе, что в мужской среде нашего класса было не принято. Но и белой вороной он тоже не был. Его рвали на части, когда устраивались соревнования по баскетболу. Маленький, много ниже других ребят, он легко обходил их и ухитрялся каждую атаку завершить мячом в корзине.

– В баскетбол играешь? – спросила я.

– Нет. Тяжёлый стал, – Сергей похлопал себя по животу. – А ты такая же худенькая. Не поправляешься?

– Была большая! – я засмеялась и округлила вокруг себя руки. – Как-то встала на весы и испугалась. Перешла на двухразовое питание. В горы ходить…

– Ты мне снишься, – прервал он, – точнее, твои глаза. В первый раз лет пять назад. Я тогда не понял, не узнал. Потом ещё, ещё, ещё раз. Как-то в Москве был, разбирал фотографии, наткнулся на нашу школьную, общую. Ты там такая… лучистая… Понял, это же ты мне снишься! Вначале решил – старею, смотрю не вперёд, а назад. Семьи нет, да и не верю уже, что будет, вот и вспоминаю во сне первую любовь.

Он умолк, а моё сердце побежало, то ли стремясь убежать в то время, где осталась неузнанная мною любовь, то ли торопясь в будущее в робкой надежде на чудо воскрешения этой самой любви.

– Помнишь, в парке на Коммунистическом встретились? – продолжал он. – Я из армии пришёл, узнал, что ты замуж вышла, переехала. Выяснил, где живёшь, и несколько дней караулил, чтобы ты одна была. Ты была такая счастливая! Сказала, что дочка у тебя… Сожгла ты тогда надежду мою своим счастьем! Через месяц я уехал из Алма-Аты. Сбежал, чтобы ещё раз «случайно» не встретиться. А сейчас… вижу, нет у тебя счастья, а ты прячешься, не подпускаешь…

– Я не могу… сейчас не могу… потом как-нибудь… Мы же не потеряемся теперь? Да?

– Да, Девочка. Замужем ты или нет, я не отпущу тебя, – пообещал он и, словно бы затушёвывая смысл своих слов, тут же пошутил: – Вместе с твоим мужем, со всеми родственниками, детьми… сколько их у тебя?.. я всех вас усыновлю. Нет, подожди, ерунда какая-то получается! Уж скорей вы меня в семью возьмёте! – он вновь стал серьёзным и попросил: – Не отталкивай меня.

Бег моего сердца утих, его просьба и, главное, его обращение «Девочка» мягким теплом разлились внутри. Я рассмеялась и чмокнула его куда-то в краешек рта. Потому что захотела! За его «Девочку» поблагодарила!

Он замер на несколько секунд. Потом, взяв за подбородок, приподнял моё лицо к себе и легко, едва касаясь губами, поцеловал глаза… лоб… щёки… Губы сухие, теплые властно обхватили мой рот. В грудь забарабанил стук его сердца.

Прервав поцелуй, он выдохнул:

– Ты любишь его?

Мне хотелось закричать: «Нет! Не люблю! Никогда не любила! Вышла замуж, потому что устала быть одна! Потому что всегда думала: „Главное, чтобы меня любили!“ Потому что ещё не знала, как важно любить самой!» Я никогда Косте не врала. Он знал, что не люблю, и принял, как есть. Вместе мы многое пережили, я благодарна ему, но полюбить не смогла.

Сергей легонько тряхнул меня и ещё раз переспросил:

– Любишь? – не дождавшись ответа, убрал руки с моих плеч и отвернулся.

И я сразу замёрзла без тепла его взгляда. Перекатилась на другой бок, обняла себя руками и погрузилась в малосвязный хоровод мыслей: «Целуюсь! А Костя там… как же я ему в глаза посмотрю? Ну ладно Сергей, он мужчина… к тому же с нереализованными иллюзиями из детства, а я?.. Мне же пятьдесят пять! А как я теперь буду жить без его глаз? И домой приеду, не забуду. Руки у него хорошие… крепкие… дыхание, как ветерок… Почему он не зовёт меня? – я затихла. – Не зовёт. Нет, надо домой… надо к Косте… под защиту от самой себя… Как только выпаду из-под влияния его глаз, так всё встанет на свои места».

Я сползла с кресла и схватила башмак. Сергей одной рукой толкнул меня обратно и спокойно выговорил:

– Сиди. Я пойду на ваши места, а вы тут долетите.

– Нет! … Не уходи…

«Господи, что я говорю?! – тут же испугалась я. – Дурища-то какая, господи!», а вслух призналась:

– Я… мне страшно, понимаешь? Моя жизнь уже не раз разлеталась на куски.

– Ты манишь, потом прячешься.

– Всё слишком быстро! У меня есть жизнь. Хорошая, плохая, она – моя жизнь! Ты ворвался, и всё рушится. Лет пять назад я была в отчаянии и попросила: «Если есть на Земле моя половинка, пусть он найдёт меня!»…

– Пять? – перебил он, приподняв брови.

– Да, или около… дату я не записывала! – отрезала я почти грубо – не люблю вопросов, уводящих от сути – и продолжала: – Я просила о суженом, о том, кого нельзя не полюбить! Чтобы узнать, как это любить? Я почему-то только к пятидесяти годам поняла – два раза замужем, а любить, не любила. И, знаешь, ничего не произошло! Тогда я решила, что Костя и есть мой суженый, а я просто не способна на любовь. Как у кого-то нет слуха или зрения, у меня вот любовь некомплект.

Я умолкла, вспомнив реакцию Сергея на упоминание о пяти годах, и поинтересовалась:

– А почему ты спросил? Про пять лет.

– Пять лет назад ты мне в первый раз приснилась.

Я не верю ни в совпадения, ни в случайности. «Пять лет назад я попросила о встрече с суженым, и пять лет назад он увидел меня во сне? – сопоставила я и уставилась на него. – Он – половинка?»

Ухмыляясь, он кивнул и развёл руками.

– Я – твоя половинка. Ничего не поделаешь, будешь учиться любить меня!

«Не-ет. Чушь какая-то! С Костей налаживается… возвращаемся из ада. Моя половинка? Любимый? Мой земной Бог?!» Я внимательно разглядывала его. Ну как же мне всё в нём нравилось!

– Ты просила, а принять боишься? – насмешливо спросил Сергей. – Или не подхожу?

Он всмотрелся в меня, словно что-то искал у меня в лице, но, видать, не нашёл и отвернулся, зевнул и прикрыл глаза.

«Ну вот и всё, наваждение, как и должно, развеялось!» – подытожила я про себя и начала обуваться. Встала и пошла. Сергей не шелохнулся.

Костя спал, сложив руки на груди. Неловко, боком втиснув длинные ноги между креслами, он всё равно упирался ими в спинку впередистоящего кресла. Я дотронулась до его плеча, он ясными глазами взглянул на меня.

Меня всегда восхищала его способность спать в любом положении. Легко засыпает, столь же легко просыпается, будто и не спал вовсе.

– Пришла проведать? – спросил он.

– Тесно? – посочувствовала я. – Может, пойдёшь туда? Хоть ноги расправишь. А я тут посижу.

Он встал, пропуская меня на моё место, вновь втиснулся на своё и поцеловал меня в лоб.

– Соскучилась?

– Тревожно мне, Кость.

– Чего вдруг?

Я пожала плечами. Он взглянул на часы.

– Ещё часа полтора и Стамбул. А там и до дому недалеко. Устала? Не спала?

Я скривила гримаску – как будто не знает! спала я только в поездах, все другие виды транспорта мне для сна не годились.

Костя попытался просунуть свою руку под мою и рассмеялся.

– По сантиметрам вымеряли – что в проходе, что между рядами только бочком. Коммерсанты! – и уже с тревогой в голосе спросил: – Всё нормально?

– Он – моя половинка.

– Что?

– Он – моя половинка.

Последовала долгая пауза, потом растерянный взгляд и вопрос:

– Ты почему так решила?

«А правда, почему?» – спросила я себя и опять пожала плечами.

В стрессовой ситуации Костя замирает – предпочитает не разбираться, видимо, надеясь, что и без него всё как-то рассосётся. Меня это всегда жутко бесило!

– Иди, Костя! – поторопила я. – Пойдём на посадку, придёшь ко мне.

Он неуклюже выбрался со своего места. Постоял, кивнул и пошёл по проходу.

Я разулась, подтянула к груди коленки, мне и тут места хватало.

Ещё пару лет назад я бы без оглядки, бегом кинулась в любые распахнутые навстречу объятия. Моя семейная жизнь состояла из бесконечных скандалов и взаимных претензий. Мой крик, за который я потом ела себя живьём, увеличивал и без того непомерно огромное чувство вины, а жалость к себе проливалась водопадом слёз. Так выглядит тупик отношений.

Очень медленно, шаг за шагом я училась разделять личность и поступок, училась сосредотачиваться на достоинствах, старалась принять мужа таким, какой есть. Страх остаться одной сильный мотиватор! Костя тоже старался что-то в себе поменять. И как-то всё стало успокаиваться, уже и тепло проникло в отношения.

«Сергей сказал, что не отпустит, – вспомнила я и улыбнулась. – Смешной! Вернусь домой, и всё случившееся будет выглядеть приятным приключением. В конце концов не каж-

дый день получаешь признание в любви, пусть и юношеской, пусть и давно минувшей! К тому же меня никто не гонит принимать решение сейчас», – я легко вздохнула и потянулась.

В проходе возник Костя.

– Ты чего так быстро? – удивилась я.

– Да я в туалете был. Не быстро. Очередь, – проворчал он. – Давай выбирайся, посплю ещё.

Я кое-как натянула ботинки. Тесно! Потом протиснулась мимо Кости и, успокоенная, будто побывала дома, направилась в салон бизнес класса.

Сергей сидел в той же позе. «Уснул?» – предположила я и легонько опустилась рядом.

– Боялся, что не вернёшься, – произнёс он, не открывая глаз.

– Вернулась.

– Хотел бежать за тобой. Подумалось, уходишь навсегда, как тогда – в парке.

Он повернул голову и посмотрел на меня глазами, потерявшими искорки. Я только ахнула – его лицо осунулось за какие-то полчаса.

– Я не ухожу. Серёжа, прости меня… за флирт неуместный… и вообще. Мне надо подумать.

– О чём? Девочка, ты делаешь вид или, правда, не понимаешь? Я не сержусь, я добиваюсь тебя! И мой соперник – ты сама. Я ничего не сделал в юности, ничего не сделал потом. Гордый надутый дурак! Вначале меня связывала твоя влюблённость, потом твоё счастье материнства.

– У меня, как у всех, – страх потерять больше, чем желание приобрести, – пожала я плечами и спросила: – А ты на основании детских воспоминаний полагаешь обрести счастье? Ты ведь меня не знаешь! Ангел во мне так глубоко, что и сама найти не могу. Первый муж сбежал от меня к молодой и очень не невинной деве. Думаю, у него были на то причины. Костя терпелив и добр, он двадцать с лишним лет мирится с моими недостатками.

– Ты же сказала, что хочешь любить, – напомнил Сергей.

Я заткнулась, на этот аргумент мне было нечего возразить. Его глаза влекли и не отпускали. Мои плечи просили тепла его рук. Я кивнула и шёпотом подтвердила:

– Хочу. Давай просто помолчим.

Мы откинулись на спинки кресел лицом друг к другу. Он держал мою ладошку у рта и целовал кончики пальцев. Долго-долго. Погружаясь взглядом в зелень его глаз, я обретала покой.

Я уже призналась себе, он – мой Мужчина. Тот, кого я проглядела, а могла бы любить всю жизнь.

Глава 1. Стамбул

День первый

Мы долго едем в гостиницу. День серый. Такой же город за окном. Древний город, переживший не одну империю, он встречал нас урбанистически-стандартным пейзажем, надёжно укрывая от глаз свою старину.

Я отвернулась от окна и положила голову на плечо мужчины, которого встретила всего несколько часов назад и выбрала, оставив позади того, с кем прожила двадцать два года своей жизни. Сергей теснее прижал меня к себе и, уткнувшись носом в мои волосы, шумно втянул в себя воздух.

Мы шли по длинным холодным переходам аэропорта, когда я объявила Косте, что останусь в Стамбуле. Он, как всегда, тащил меня за собой, крепко схватив за руку, и по инерции прошел ещё несколько шагов вперёд, прежде чем остановился и медленно повернулся ко мне.

– Я… я, кажется, влюбилась… – пролепетала я.

В глазах его вновь появилась растерянность. Потом проступила обида, а потом Костя начал громко убеждать: «Так нельзя, Лида! Надо ехать домой. Что я скажу твоей маме? И вещи твои в багаже». Помогая себе руками, он повторял и повторял одно и то же. Я ловила его потерявшие покой руки, гладила их, не отирая слёз, катившихся по щекам…

«Ещё один камень в копилку вины, – подумала я и глубже зарылась лицом в шарф Сергея. – Не сейчас. Высвобождать камни я буду позже».

Заселение в гостиницу произошло приятно быстро – все формальности без участия клиента.

Из окна апартаментов – вид на Босфор, красивый даже сквозь серость.

Сергей подошёл сзади и обнял. Я глубоко вдохнула в себя аромат его парфюмерии, повернулась и, встав на цыпочки, потянулась к нему губами, руками, всем телом, каждой своей клеточкой. Почувствовала жаркое дыхание навстречу и губы – твердые, жадные. Язык властно проник в мой рот. Я хотела, я ждала этого поцелуя ещё с самолета. Я чувствовала, как наливаются силой его руки, как растёт желание, но он вдруг отстранился и хрипло сказал:

– Маленькая, не так! Хочу узнать тебя всю! – и разжал руки.

Я испытала разочарование. Не зная, куда себя деть, и не смея поднять на него глаза, я пробормотала:

– Тогда… какие планы?

Он усмехнулся.

«Господи, что я несу?..» – запоздало осознала я двусмысленность своего вопроса, смутилась до слёз и сквозь их пелену задиристо спросила:

– Я смешная?

Он ласково провёл тыльной стороной пальцев по моей пылающей щеке и ответил:

– Маленькая. Вкусная – голову теряю. Запах твой я ещё в порту Дюссельдорфа почувствовал. Ты моя женщина, понимаешь? Моя! – затем он легонько поцеловал меня в лоб, отошёл и самым обыденным голосом ответил на вопрос о планах: – Для начала купим тебе бельё и одежду, потом закажем обед, хотя… – он взглянул на часы, – по времени это скорее ужин.

– Я пока приму ванну?.. – то ли уведомила, то ли спросила я.

Он оглянулся и кивнул, взял в руку трубку стационарного архаичного телефона и заговорил. Я удивилась и восхитилась – он заговорил по-турецки.

Надо сказать, что люди, владеющие иностранными языками, вызывают у меня самое искреннее восхищение. Это потому, что у меня самой с языками никак. Когда-то в стенах

учебных заведений меня аттестовали оценкой «отлично» по английскому, но беда моя – мой слух. Я слышала своё скверное произношение и, кроме как в учебной аудитории, пользоваться языком избегала, а получив диплом, и с языком развязалась, и даже слова, что знала, забыла. К слову сказать, тот же диссонанс у меня и в пении – я слышу собственную фальшь, поэтому никогда не пою.

Ванная комната удивила размерами ванной – одинаковая, что в длину, что в ширину, она легко вместила бы в себя и четырёх человек. Я пустила воду, выбрала среди множества банок, стоящих на полке, соль без ароматизаторов, насыпала в ванну и начала раздеваться. Интерьер сочетал в себе европейский уют и восточную пышность. Яркий мозаичный пол пестрел красками, и та же мозаика неширокими вертикалями разделяла на зоны бежевое пространство стен. Белая, в патине, округлая деревянная мебель стояла на высоких изогнутых ножках, словно подбоченясь, и красовалась ручками цвета старого золота. Смесители и душ тоже были имитированы под старое золото. «А, может, это и не имитация вовсе? – засомневалась я и погладила прохладный, в характерных прожилках край ванны. – Может, и золото настоящее, и сантехника вырезана из мрамора?»

Положив полотенце на деревянный подголовник, я скользнула в воду и закрыла глаза. Тотчас вспомнился растерянный взгляд Кости. «О-о-ох… – застонала я и до боли закусила губу. Потянулась, достала с полки одну из банок с солью и принялась читать мелкий шрифт на этикетке. Уловка безусловно дурацкая, но она помогла удержать, готовые вот-вот прорваться слёзы.

Минут через десять дверь огласилась стуком и слегка отворилась.

– Маленькая…

– Да, Серёжа, входи, – пригласила я.

Сергей остался стоять на пороге и лишь шире отворил дверь. Посмотрел на меня, на пену поверх меня, и глаза его приобрели отражающий блеск. Я знаю такой блеск мужских глаз. Блеск желания. Я игриво помахала ему рукой. Он усмехнулся, скользнул взглядом по сложенной в кресле одежде и сказал:

– Пришла девушка из магазина. Ей нужны твои мерки. Я впущу?

– Сейчас! Только в полотенце замотаюсь.

Прищурив глаза и насмешливо улыбаясь, он продолжал стоять в ожидании моих действий.

– Ты… не выйдешь? – растерялась я.

– Ты же только что смелая была! – вновь усмехнулся он.

В который раз за сегодня я ощутила, как запылали мои щёки. Он вышел.

Я замоталась в полотенце и выглянула за дверь. Высокая девушка с портновским метром в руках улыбалась непрофессионально доброжелательно. Она что-то сказала. Я засмеялась, покачала головой и показала руками, что не понимаю. Сергей из гостиной крикнул:

– Она говорит, если ты позволишь, она измерит тебя.

Я попятилась обратно в ванную, приглашая её войти. Девушка быстро взяла нужные мерки, ни разу не коснувшись руками моей кожи, подала мне большущий халат, который я запахнула чуть не за спину, и жестом пригласила следовать за собой. Говорить она начала в гостиной.

– Бутик только вчера получил новую коллекцию белья, она предлагает тебе выбрать то, что нравится, – перевёл Сергей.

Девушка взяла каталог и открыла его. Я помотала головой и попросила:

– Серёжа, переведи, пожалуйста. Я люблю бюстгальтеры с широким основанием, и хоть грудь у меня небольшая, модели пуш-ап не предлагать. Расстояние между грудями у меня тоже маленькое, а именно эту мерку она не сняла. Трусы я люблю средней посадки, бесшовные, а модель должна быть такая, чтобы не перерезала ягодицу на части. Стринги тоже приемлемы.

Говоря всё это, я активно двигала руками, демонстрируя требования на себе – приподымала груди, показывала пальцами расстояние между сосками, повернувшись задом, чертила пальцем по ягодице. Чёрт вновь заступил на вахту!

Сергей послушно переводил, пристально следя за моими манипуляциями. Умолкнув, я уставилась на него, победно улыбаясь. Он вяло процедил:

– Ты хорошо про себя рассказала. Интересно.

Девушка взяла в руки другой каталог, и я спросила:

– Серёжа, на какую сумму?

– Не смотри на ценники, Девочка. Об аксессуарах не забудь.

– Может, лучше в бутик пойти?

– Завтра по бутикам пойдём. Сейчас выбери, в чём пойдёшь.

Выбрав несколько туалетов, чулки, сумку, сапоги, шарф, я кивнула девушке – всё, мол, закончили, и она начала собирать свои каталоги. А я наклонилась к сидевшему на диване Сергею и поцеловала его в щеку.

– Я продолжу?

– Сколько ещё времени тебе нужно?

– Минут десять.

– Позвоню, пусть несут ужин. Я уже заказал на своё усмотрение, надеюсь, угадал.

– Посмотрим! – я засмеялась, убегая в ванную.

Когда я вернулась, в гостиной витали неземные ароматы пищи – стол уже был накрыт. Сергей довольно жёстко разговаривал с кем-то по телефону, и, ожидая его, я отошла к окну. Ночь и ночная иллюминация скрыли осеннюю унылость города, одновременно спрятав от глаз и красоту Босфора. Только по зеркальным отражениям зданий, будто опрокинутых навзничь, я догадалась, где пролив.

– No, Richard! No! – воскликнул Сергей. Следующая его фраза прозвучала для меня тарабарщиной, но тон был понятен – Сергей был крайне недоволен собеседником.

Я оглянулась на него и пожалела, он как будто смутился, быстро завершил разговор и вполне миролюбиво простился:

– Bye, Richard.

Отбросив смартфон на диван, Сергей подошёл ко мне и, потянув носом воздух, пробормотал:

– Смыла? Так лучше! – он наклонился к затылку, коснулся губами голого участка кожи между тюрбаном, который я свернула на мокрых волосах, и воротом халата и ещё раз глубоко-глубоко втянул в себя воздух.

Помня о своём разочаровании и стыде на этом самом месте в прошлый раз, я к нему не повернулась, а всё так же глядя в окно, поинтересовалась:

– Тебе не понравились мои духи? Я ими пользуюсь много лет.

– Мне нравишься ты.

– Давай ужинать, Серёжа, я проголодалась.

– Конечно, Маленькая! – обняв за плечи, он повёл меня к столу. – Приступай! Я заказал и мясо, и рыбу. Тут вот супы. Их тоже несколько.

Среди разнообразных судков, тарелок и тарелочек, под крышками и без, я обнаружила крем-суп из брокколи, куриный жульен, до сих пор пузырившийся соком сквозь дырочки в сырной корочке, а ещё нашла пышные, жареные в масле лепёшки, похожие на оладушки, только бóльшие размером и начинённые зеленью и красным перцем. «Таки да! Угадал! – хохотнула я, расставив вокруг себя яства. – Может, и правда суженый?»

Ем я всегда быстро, поэтому скоро управившись, я умиротворённо откинулась на спинку стула и стала наблюдать, как ест Сергей. Он ел вкусно, не спеша и… красиво.

Вытаскивая рыбную косточку изо рта, он сказал:

– В Дюссельдорфе у меня экономкой Эльза, из советских немцев. Приучила меня есть размеренно. Обед длится ровно час. То есть, больше – не возбраняется, меньше – нельзя.

– Ты позволяешь экономке управлять собой?

– Она права, – пожал он плечом. – К тому же людям приятно быть главными в чём-то, особенно с работодателем. Она у меня около десяти лет работает. Очень щепетильная, никогда не переходит черту отношений босс – работник.

– Хорошо готовит?

– Хорошо следит за домом! А готовит скорее плохо, чем хорошо. В Москве Маша – богиня кулинарии, но у той уборка – по углам распихать.

– Кто живёт в Москве?

– Никто. Квартира пустует. Маша с мужем – соседи, живут на том же этаже, приглядывают.

Он взял в руку бокал с вином. Глотнув вино, поставил бокал на стол и вновь взялся за приборы. Мне нравится, как спокойно, без суеты, двигаются его руки. Приборы выглядят игрушечными в длинных и крепких пальцах.

– Квартиры не люблю, продать бы надо, но тогда у Маши не будет работы.

– У тебя есть семья, – заявила я. – Эти люди, как могут, заботятся о тебе, ты заботишься о них.

Он посмотрел на меня продолжительным взглядом и вновь пожал плечом.

– Если с этой точки зрения смотреть на вещи, то семья у меня большая – друг Николай, водитель, он же телохранитель, Павел, партнёр из Англии, Маша с мужем, Эльза…

– У тебя есть телохранитель? Это интересно! А где он? Почему не охраняет? Или он так маскируется, что незаметен, как ниндзя?

Я оглянулась по сторонам, и Сергей улыбнулся.

– Телохранитель – это только название. Вывез его, оболтуса, из России. Морду помял сынку какого-то чинуши, срок светил. Вот и пришлось создать подразделение охраны в единственном лице, чтобы Пашке не стыдно было задарма жить. Он молодой совсем, кроме службы в ВДВ и средней школы за плечами ничего нет. Воспитывался в детдоме. Занимается со мной, приёмам обучает – передаёт опыт боевой подготовки десантника.

Улыбка Сергея стала почти нежной, и я подумала: «Как же этому мужчине не случилось стать отцом? Патриархом большой семьи? Сколько отцов поневоле!»

Я встала, обогнула стол и, обняв Сергея со спины, прижалась к его уху губами и призналась:

– Ты вызываешь у меня восхищение.

Ужин Сергей заканчивал в одиночестве, потому что из бутика привезли вещи на примерку. Та же девушка вкатила в гостиную вешалку на колёсиках, взглядом спрашивая, куда катить её дальше. Мы отправились в одну из двух спален, с огромным от пола до потолка зеркалом. Во время примерки девушка беспрестанно виновато улыбалась и что-то лепетала, видимо, извинялась, потому что бóльшая часть нарядов мне не подошла и вернулась обратно на вешалку. С бельём дело обстояло и того хуже, но тут уж расстроилась я – такого роскошного белья у меня никогда не было. Поразмыслив, я решила вопрос просто – все модели трусов и лифчиков, что пришлись впору, я взяла в двойном экземпляре.

Девушка ушла, и я принялась убирать обновки в шкаф. Потом мне на глаза попался портплед Сергея, и я решила его распаковать. Расстегнула замки и невольно ахнула – вещи были уложены столь аккуратно, что вряд ли потребуют глажки.

– Да-а… – протянула я, – придётся брать уроки у умелой Эльзы!

Я засовывала опустевший портплед в шкаф, когда руки Сергея оторвали меня от пола.

– Маленькая…

Вместе со мной он опустился в кресло.

Молча глядя в лицо, провёл ладонью по голени… и долго гладит подушечками пальцев колено, будто ощупывая его округлость. Я потянулась рукой к его влажным волосам, убрала пряди со лба, коснулась переносицы, по спинке носа спустилась ко рту. Он захватил мои пальцы губами. Сдерживая дыхание, я приблизилась и стала целовать его брови… глаза… щёки… нежно-нежно, едва касаясь. Потом посмотрела на его рот. Коснулась губами уголка… верхней губы… нижней… медленно, языком чуть тронула дужку его зубов. Он замер, сердце гулко и мощно стучит в мою грудь, заглушая биение моего. Почти не дыша, я захватила губами его нижнюю губу, облизнула… стон вырвался из моей груди, из его – больше похожий на рык. Рот властно, неумолимо вобрал мои губы. Он рванулся из кресла, срывая халат с меня, с себя… соски на миг коснулись его груди… Горячие руки, губы, язык повсюду… дыхание обжигает… шёпот, прерывистый, еле слышный: «Как пахнешь… Девочка… моя Девочка… долгожданная… о-о-о, влажная… вкусная» Тяжесть бёдер… влажная упругая наполненность… слаженная ритмичность движений… *Я* перестало существовать. Осязание потаённое, сокровенное – единственный орган чувств. Сладкое, восхитительное трение. Его рот рядом… дотянуться… ещё ближе, ещё теснее к его груди… слиться воедино… и… тело выгнулось дугой, конвульсии взорвали таз. Издав недовольное рычание, он остановился, вжимаясь в меня бёдрами и выжидая, и укоризненно произнёс:

– Торопыжка… торопишься…

Вновь движение… Он далеко на локтях. Нега расслабленного принятия сменяется новым напряжением. Соски вновь ищут тепла его кожи.

– Открой глаза! – слышу я и не сразу понимаю смысл. – Посмотри на меня!

С трудом фокусирую взгляд. Он ускоряет ритм. Я кричу. Он тоже.

Одновременный взрыв порождает смерч огня – из таза, расширяясь, нарастая мощной волной через грудную клетку и дальше, поглощая всё вокруг.

Сознания нет, есть безвременье бытия…

Как только конвульсии затухают, рты вновь наполняются шёпотом:

– Благодарю… милый…

– Сладкая моя… моя сладкая…

Бормоча слова благодарности, я целую его подбородок, шею, волоски на груди… всё, куда могу дотянуться. Его кожа солоновато-влажная. Он по-прежнему надо мной, запутался губами в волосах и шепчет, шепчет о своём счастье…

Спеленав меня руками, вместе со мной Сергей перекатился на спину. Выдохнул, расслабленно раскинул руки по сторонам и засмеялся.

– Маленькая, это потрясающе! Я ошеломлён!

Я тоже ошеломлена… признаться себе, что прожила жизнь и любви не знала, это одно, но в пятьдесят пять обнаружить, что и секса не знала!..

– Посмотри на меня! – позвал Сергей.

Я подняла глаза и встретила вопрошающий взгляд. Потянулась к вертикальной складочке между бровей, поцеловала и призналась:

– Мой первый, свободный от комплексов секс. Серёжка, ты удивительный. Ты умеешь говорить нужное в… – я запнулась и исправилась: – Нет-нет, не так! Я не просто чувствовала, я слышала, как я желанна. Спасибо!

Я скатилась с него и, закинув руки за голову, потянулась всем телом. Спросила:

– Ты почувствовал поток? В самый момент начала оргазма, из живота в грудную клетку волна, как будто огонь, а потом растворение в ничто… или в Никто…

– Поток? – переспросил он. – Для меня это была вспышка, заполнившая всё вокруг. А потом почти обморок. Иди ко мне.

Я легла головой на его плечо. Его рука опустилась к моей груди, и пальцы принялись играть с соском – легко сжимали, чуть оттягивали, отпускали, ласкали окружье.

– Я думаю, поток – это и есть та энергия, которую называют энергией Восхождения, – сказала я.

Сергей не ответил. Я тоже затихла, наслаждаясь лаской.

Спустя время, он спросил:

– Знаешь, что ценят во мне мои деловые партнёры, и чем я сам горжусь?

Я покачала головой.

– Я почти никогда не теряю контроль над собой. Сегодня я хотел рассмотреть, перецеловать каждый сантиметр твоего тела, хотел исследовать все ложбинки и округлости и… – он помолчал и закончил, – не смог обуздать желание. Придётся тебе дать мне ещё один шанс.

– Только один? – невинно уточнила я.

С глухим рычанием он перевернул меня на спину и навис надо мной. Я потянулась к горячему, желанному рту.

День второй

Я проснулась, уткнувшись носом чуть ниже подмышки Сергея, одной рукой обнимая его за торс. Вспомнила, что случилось в последние сутки, и радость запела в моём, чуть постанывающем теле.

– Иди ко мне.

Услышала я его зов и потянулась на звук. Его руки подхватили меня, но от поцелуя я увернулась. Он повторил попытку и опять встретил щёку.

– Что? Что не так? – спросил он сердито, обхватив мою голову ладонями.

Стараясь не дышать, я пробормотала:

– Пойду умоюсь, зубы почищу.

Он помолчал, глаза вопрошающие, брови сдвинуты к переносью. Наконец спрашивает:

– Тебе неприятно моё дыхание?

Возмутившись дурацким предположением, я вытаращила глаза и замотала головой.

– Мне неприятно твоё?

Я закивала. Он подавил сопротивление силой – продолжая удерживать в руках мою голову, прижался к губам ртом и раздвинул их языком. Мне оставалось только отдаться его поцелую.

Позже он мне выговорил:

– Не смей, слышишь, никогда не смей даже пытаться забрать у меня себя! Запомни это! Я с ума схожу от твоего вкуса!

Ничего значимого он не сказал, но благодаря этим словам, а, может быть, тону, с каким они были сказаны, я поняла, что я в его жизни не на одну ночь. Именно с этого момента началась моя счастливая жизнь, иногда полная переживаний и потерь, иногда полная обид, но всё равно упоительно счастливая.

Стоя под душем, я мысленно составляла список покупок – надо было купить кучу тех мелочей, без которых не может обойтись ни одна женщина – ножнички, щипчики, пилочки, сыворотки, пенки… «А вот духи, по-видимому, мне больше не понадобятся. Меняю парфюм на счастье! – засмеялась я. – Как же я счастлива! Интересно, сколько времени мы тут будем? Сходить бы куда-нибудь. Хотя бы в Айю».

Едва выйдя из ванной, я закричала:

– Серёжа, а культпакет предусмотрен? Или нет времени?

Мне никто не ответил. Я вошла в гостиную и огляделась. Серёжи не было. Я направилась в спальню, но в это время постучали в дверь, и я пошла открывать. За порогом стоял официант – курносый, веснушчатый, с широкой улыбкой.

– Good morning.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте! – обрадовался он и улыбнулся ещё шире. – Доброе утро! Ваш завтрак.

Я шире открыла дверь, пропуская его тележку и его самого, и спросила:

– Вы русский?

– Да. С Херсона я! – не переставая улыбаться, он занялся сервировкой стола, попутно рассказывая: – Батя у нас русский, а мамка укрАинка. Бати-то уже нет, а так… пятеро нас у мамки, я – старший. Все девчата, я один мужик.

– Скучаете, наверное?

– Да не-е… привык уже. Дома работы нету, вот работаю здесь.

– Давно тут?

– Пять лет. Как из армии пришёл, так и сюда.

Накрыв на стол, он остался стоять, держась за свою тележку, глядя на меня и улыбаясь. Я подумала, он ждёт чаевые, и уже было пошла за Сергеем, а он вдруг спросил:

– Вы из Москвы? – и, заторопившись словами, пустился объяснять своё любопытство: – Я русских давно не видел. Не-ет, в городе русских много, да просто так не начнёшь же говорить, да и в городе я почти не бываю. А в отеле в основном местные останавливаются… ну иностранцы иногда.

«Скучает! – подумала я. – Ещё как скучает! Хороший русско-украинский парень, которому в его новой, „свободно-демократической“ стране не нашлось места».

– Как вас зовут? – спросила я.

– Да шо вы, ей-богу, всё «вы» да «вы»? Серёга я. Сергей, то есть.

Из спальни с телефоном в руках вышел Серёжа.

– Привет, тёзка! – поздоровался он и, протягивая руку, направился к парню.

Серёга смутился, провёл ладонью по переднику, будто вытирая её, и как-то криво, неловко и робко протянул руку, но одумался, выпрямился и уверенно принял рукопожатие. Сергей одобрительно кивнул и спросил:

– Домой хотел бы вернуться?

– Да была бы работа… – уклончиво ответил Серёга. И, отвердев голосом, прибавил: – Мамка говорит, нельзя сейчас возвращаться, воевать заставят. А я против своих не хочу.

– Завтра зайди часов в девять, поговорим.

– Куда?

– Прямо сюда.

Сергей проводил парня до двери и вернулся в гостиную.

– Маленькая, вечером у нас встреча в ресторане с моим партнёром, поэтому сразу после завтрака пойдём по магазинам. Потом к моему ювелиру заглянем. Это ещё и, как ты выразилась, «культпакет»!

Хитро улыбаясь, он выжидающе посмотрел на меня. Я поразмыслила и неуверенно предположила:

– Гранд-базар?

Увидев, что угадала, я с визгом повисла у него на шее. Довольный моей реакцией, Сергей подтвердил:

– Пройдемся по улочкам одного из самых древних и больших базаров мира. А потом…

– А потом?..

– Потом посетим ещё один базар – Египетский. Рынок пряностей и сладостей. Он помоложе Гранд-базара на сотню лет, но тоже старец. Накупим лукумов разных, пахлаву. Любишь пахлаву?

– Пахлаву – нет, лукум – да.

Мы сели завтракать. Я намазала маслом два тоста; положив на каждый по ломтику сыра, один подала Сергею. Он ел скворчащую яичницу с ветчиной, ел прямо со сковороды и, как и вчера, ел вкусно и не спеша.

– Спасибо за мальчика, – поблагодарила я. – Печально будущее страны, которой не нужны те, кто продолжает жизнь.

– Те, кто продолжит жизнь, сейчас никому не нужны, даже родителям, – проворчал Серёжа, – детей побросали под влияние блогеров. И потом, твоя благодарность преждевременна, я ещё ничего не сделал. К тому же спасибо надо бы говорить тебе. Он здесь пять лет, я приезжаю два-три раза в год и ни разу не обратил на него внимания.

– Что из того, что я обратила внимание? – пожала я плечами. – Сделать всё равно ничего не могу.

Поход по модным салонам и базарам Стамбула позволил мне сделать некоторые открытия в отношении себя самой. А ещё этот день подвёл меня к определённым решениям.

Но всё по порядку.

В салоне V моё внимание привлекло платье из многослойного шёлка насыщенного синего цвета с прорезями на лифе, по размеру и форме напоминающими вишнёвый лист. На юбке имелся высокий боковой разрез, из которого струился трёхцветный пурпурно-зелёно-жёлтый клин. С сомнением вытянув из разреза ткань клина, я подумала: «Райская птица, вид сбоку. Такое обилие цвета может „съесть“ меня, так что даже макияж не поможет». Продолжая сомневаться, я всё же отправилась в примерочную кабинку.

В бутики известных брендов я захаживала нечасто, да и то только затем, чтобы поглазеть. И сейчас была приятно удивлена – размер у меня «модельный», а вот рост совсем не таков, и тем не менее платье «село» на меня, как влитое. Я задумчиво осмотрела себя в зеркале. «Пожалуй, даже элегантно, в прорези, конечно, видна голая кожа, но всё умеренно. Руки, грудь, спина закрыты, и длина юбки хороша – почти до щиколотки. И клин хорош, разбавляет утомительную монохромность синего». Девушка, помогающая мне с примеркой, восхищенно поцокала языком. Фигура у меня и впрямь неплохая, несмотря на возраст, а платье выгодно подчеркнуло достоинства. Я указала на ноги. Девушка подала мне ручку и листочек бумаги, я написала размер, и она исчезла.

Вернулась она с двумя коробками. Пара туфель в цветах клина платья у меня не вызвала восторга, и я скорчила гримасу. Девушка торопливо бросила коробку на пол, открыла другую коробку, и на свет появился шедевр обувного искусства – туфли цвета газонной травы с отделкой из синей кожи и застёжкой вокруг щиколотки. И каблук самой удобной высоты, примерно восьми-девяти сантиметров. Я примерила туфли и расстроилась – на листочке я указала размер, который и так не часто встречается, а уж меньший… Но девушка опять убежала и вернулась с улыбкой от уха до уха и с ещё одной коробкой в руках.

Надев туфли, я ещё раз оглядела себя в зеркале и вышла из примерочной.

Сергей сидел в кресле, опустив глаза в смартфон, на столике перед ним дымилась чашка с кофе. Я подошла почти вплотную к его креслу, прежде чем он поднял взгляд и… восхищённо замер. Я засмеялась, покрутилась, демонстрируя себя со всех сторон, приняла несколько соблазнительных поз, но как только увидела желание в его глазах, горделиво удалилась. Я выяснила главное – платье надо брать.

Затем я примерила ещё один туалет – коктейльное платье из разбелённого голубого сатина, решила и его взять, а к нему подобрала туфли цвета слоновой кости с «золотым» декором на пятке.

Снимая платье в примерочной, я только теперь обратила внимание на цифры на ярлыке и ужаснулась: «За что же такие деньги? За фетиш под названием бренд? Как цена тряпки может… Стоп! – остановила я себя. – Я стою на пороге незнакомого мне мира. В этом мире живёт человек, которого я люблю. Да, в этом мире цена тряпки сопоставима с годовым доходом простого человека, с моим годовым доходом. Мне не понятна логика устройства этого мира, но и законов этого мира я не знаю. И пока не узнаю, я не буду судить».

Все выбранные мною вещи перекочевали на кассу, затем в пакеты, которые сам бутик доставит в отель. А мы зашли в меховой магазин и купили мне упоительно роскошное пальто без воротника из серебристой каракульчи. Потом я носилась по магазину красоты и скупала те самые мелочи, что необходимы каждой женщине. На какую сумму я уменьшила счёт Сергея, я старалась не думать.

– Спасибо, Серёжа, – поблагодарила я, как только мы сели в машину. – Я и не знала, что могу так радоваться одежде! Красивая обувь всегда имела власть надо мной, но то, что я и тряпочки люблю, я узнала только сегодня. – Я потянулась к его уху и прошептала: – И примерять было в радость! Мне нравится, как ты смотришь на меня, кажется, я и на подиум взойду под вспышки фотокамер, когда ты так на меня смотришь. Ты чародей, Серёжка, ты умеешь внушить женщине уверенность в своей привлекательности. Спасибо!

Я скользнула губами по его щеке, но он перехватил поцелуй и поцеловал меня сам. Прижал мою голову к груди и нежно шепнул в макушку:

– Моя Маленькая.

Большой базар в Стамбуле – Гранд-базар – это километры и километры улиц, состоящих из торговых лавок. Иногда лавки уступают место кофейням, иногда закусочным и ресторанам, но даже мечеть мы встретили по дороге.

Построили базар в пятнадцатом веке, и с тех самых пор тут не умолкает жизнь. Сотни людей снуют под высокими сводчатыми потолками, одни праздношатающиеся – говорливые, разноязыкие, по большей части туристы, другие – суетливо спешащие по делам, эти местные.

– Раньше здесь торговали рабами, – сказал Серёжа.

– Да, я знаю. Их завозили из Крыма, из Каффы – главного невольничьего рынка Восточной Европы. И пока Россия не завоевала Крым, работорговля процветала. Рабы-славяне ценились особенно высоко.

Мы куда-то свернули, и я быстро потерялась в направлениях – откуда пришли, в какую сторону идём? Сергей уверенно двигался среди людей, крепко прижимая меня к себе и тем сужая мой обзор.

– Серёжа, лучше за руку возьми, – попросила я.

– Толкнёт кто-нибудь.

– Нет.

Теперь я получила возможность крутить головой в обе стороны. Лавки сменяли лавки, и глаза очень быстро утомились от пестроты товаров. Я стала рассматривать роспись на сводах, колонны, на которые опирались эти своды, и постепенно наполнялась восхищением и грустью. В старину даже при строительстве невольничьих рынков люди стремились к красоте, сейчас же в перечне приоритетов мы на первое место ставим выгоду.

– Серёжа, смотри! Что там прямо посреди улицы? – я указала на вертикально установленный прямоугольный камень с полумесяцем на вершине, издалека очень похожий на памятник.

– Фонтан, – сказал Серёжа.

– Фонтан?

– Да. Видишь кран, выступающий из стены, а вокруг бассейн.

– А-а-а… поняла. По-нашему это называется колонка, чтобы напиться, умыться. Колонка в камне. Она, наверное, тоже древняя? И если да, то это говорит о высокой культуре общества того времени. Западные европейцы в пятнадцатом веке не заморачивались на такие мелочи, как гигиена рук или необходимость в чистой питьевой воде.

Сергей не поддержал мой пиетет по отношению к культуре Востока, с максимальной рациональностью откомментировав наличие фонтана на базаре:

– Мусульманин совершает салят пять раз в сутки, а перед каждой молитвой должен совершить омовение.

Мы опять куда-то свернули, и почти сразу Сергей толкнул дверь в какую-то лавку. Звякнул колокольчик, и мальчик лет пятнадцати с ещё не знавшими бритвы усиками, смуглый и большеглазый бросился нам навстречу. Лавка была заставлена всяким хламом и напоминала скорее лавку старьёвщика, чем лавку обещанного Сергеем ювелира. Мальчик повёл нас мимо напольных часов – пыльных и показывающих самое разное время; мимо этажерок с керамической и металлической посудой; мимо свёрнутых в рулоны ковров и наконец привёл к прилавку, где было хоть и светлее, но так же тесно. У прилавка стоял плешивый мужчина, и вид он имел не только неприветливый, но даже настороженный. Наконец распознав Сергея, мужчина заулыбался, засуетился и принялся кланяться, чуть не упираясь лысиной Серёже в грудь.

– Серж, карашо, гость, спасиба, подарок, – приговаривал он, перечисляя, по-видимому, все русские слова, что были ему известны.

Пока Сергей и ювелир беседовали, я заскучала – осмотрела витрины и ничего интересного там не нашла. Наконец Сергей позвал меня. Хозяин лавки уже стоял на своём месте за прилавком и вытаскивал из полиэтиленового мешка какую-то коробку. Открыв коробку, он поставил её передо мной. Губы его улыбались, но глаза оставались настороженными. Может быть, именно такие глаза и должны быть у ювелира, выдающего себя за старьёвщика? Я заглянула в коробку. Внутри лежал резной браслет сантиметров пяти-шести шириной, покрытый голубовато-зелёной патиной. Я протянула руку, взглядом спрашивая разрешения взять украшение, и хозяин согласно кивнул. Браслет оказался неожиданно тяжёлым. Только вынув браслет и повернув к себе, я увидела, что тот украшен голубым овальным камнем, размером овала в ширину самого браслета.

– Берилл? – спросила я.

– Хозяин говорит, да. Документов нет, – ответил Сергей.

– Черный рынок?

– Да.

– Зачем вещь, которая нелегальна?

Сергей пожал плечами.

– Заплачу, и вещь из нелегальной станет легальной. А перед тем проведу экспертизу.

Я надела браслет на пальцы одной руки, ладошкой другой накрыла камень. Стараясь создать контакт с камнем, я закрыла глаза и сосредоточилась. Камень ответил голубым сиянием. Неожиданно передо мною возникло и почти тотчас исчезло белокожее женское лицо с миндалевидными, пронзительно-синими глазами. Глаза женщины были подведены чёрной краской, и подводка уходила далеко на висок.

Я открыла глаза.

– Энергетически камень чистый. С бериллом так и должно быть – в древние времена русские верили, что берилл отражает злую энергию – и в себя не берёт, и хозяина защищает. Каким временем датирует ювелир браслет?

– Говорит, Древний Египет.

– Похоже, – задумчиво протянула я, пытаясь вспомнить ещё какие-нибудь детали облика женщины, мелькнувшей перед глазами.

– Тебе нравится? – спросил Сергей.

Я кивнула. Вновь испросив разрешения, я надела браслет на левую руку камнем на точку пульса, и опять закрыла глаза. Камень засиял ещё сильнее, прохладная тяжесть его была приятной.

– Да, нравится, – подтвердила я и сняла браслет.

Из глаз ювелира исчезла настороженность, он улыбался всей физиономией и что-то говорил, обращаясь к Серёже, но поглядывая на меня, но Серёжа переводить не спешил.

– Что он говорит? – спросила я.

– Говорит, что ты очень красивая, а камень делает тебя ещё красивее. Говорит, что я должен на тебе жениться.

– Чего не наговоришь, чтобы совершить сделку! – буркнула я и поинтересовалась: – Металл будет пачкать кожу?

– Важен камень, Маленькая, прозрачный берилл такого размера встретишь не часто, а металл мы можем заменить на другой, либо очистить и обработать этот.

По жестам и тону Сергея я поняла, что он отдаёт распоряжения ювелиру, тот вновь принялся кланяться и радостно лопотать в ответ. Провожать нас он мальчику не доверил, провожал сам, и проводил не только до дверей, но и вышел за нами на улицу.

– Любишь камни? – спросила я у Серёжи, когда мы завернули за угол.

– Люблю. А ты?

Я рассмеялась.

– Не знаю, Серёжа. У меня их не было. А старинные вещи тоже любишь?

– Люблю. А ты? – опять повторил он.

Я вновь засмеялась – мне была приятна наша схожесть.

– Люблю.

– Как ты поняла, что это Древний Египет?

– На фоне приветствующего сияния камня мелькнуло лицо женщины, думаю, египтянки.

– Как ты этому научилась?

– Всё суть энергия. Люди тоже. Энергии взаимодействуют друг с другом, надо только желание и уважение к объекту взаимодействия, – ответила я.

Сергей вновь взглянул на меня с интересом.

Довольно скоро из-под крыши базара мы вынырнули в серость дня. Сергей осмотрелся и, пропустив увешанных фотокамерами и возбуждённо гомонивших туристов, потянул меня к машине.

В те минут десять, что мы ехали к Египетскому базару, я запросила о базаре информацию в поисковике.

– Что узнала? – спросил Серёжа, молчавший во время моих изысканий.

– Не много. Раньше базар носил название «Материнский», потому что строительство было начато на излёте шестнадцатого века одной валиде, а окончено во второй половине века семнадцатого другой валиде. Последняя по имени Турхан-султан русская по национальности.

Едва мы вошли под крышу базара, смесь пряных ароматов ураганом ворвалась в ноздри, и я разразилась каскадами чиха.

– У меня тут друг торгует, – тем временем сообщил Сергей, стараясь попадать информацией в перерывы между моими чихами, – мы вначале зайдём к нему. Ты специи любишь?

– Люблю… апчхи… особенно сейчас… апчхи… Господи! Они что, их распыляют?

Я остановилась и достала из сумочки упаковку салфеток, одну подала Сергею, другую прижала к носу. Но не тут-то было:

– Апчхи… апчхи… апчхи…

– Серьёзно? – продолжал расспрашивать Сергей. – Маленькая, а готовить умеешь?

– Ну не бог… апчхи… кулинарии… да что же это?.. апчхи… о, Господи!.. апчхи…

Наконец я успокоилась, отёрла глаза и нос, выждала, не вернётся ли чих, и объявила:

– Кажется, всё! Пойдём! – и только потом договорила: – Я, конечно, не бог кулинарии, но Косте моя стряпня нравилась.

– У нас Эльза не признаёт специй, а мы с Пашкой любим. Добавляем каждый сам себе в тарелку. Ну вот и пришли, – объявил он без перехода.

Пестрея самыми разными красками – от сочных, цепко захватывающих взгляд, до скромных -сереньких и пожухлых, прилавком прямо на улицу перед нами предстал магазин специй. Пока я заталкивала использованные салфетки в сумку, дверь магазина стремительно распахнулась, и из неё выкатилась и понеслась прямо на нас инвалидная коляска. В коляске восседал могучий человек без ног и, бликуя в свете ламп лысой головой, заливисто смеялся. Смех его был таков, что понуждал, если и не присоединиться к веселью, то хотя бы улыбнуться.

Сергей так и сделал – засмеялся, и, выставив вперёд ногу, одновременно прижал меня к себе.

– Обижаешь! – пискляво завопил человек по-русски. – Не помну я твою дамочку! – он остановил коляску, едва не въехав в ногу Сергея колесом и вновь завопил: – Чертяка! Серёга! Как я рад!

Оставив меня позади, Сергей наклонился к человеку, тот огромными ручищами облапил его, и замолотил кулаками по лопаткам. Думаю, именно такого размера кулаки и называются пудовыми.

– Мы с Машкой уже соскучились! – продолжал вопить человек, – Машка, встречай дорогого гостя!

Встреча была столь шумной и необычной, что прохожие замедляли шаг, некоторые даже останавливались, тараща глаза, другие, видимо, не имея времени на остановку, уходя, выворачивали шеи.

Из магазина вышла крупная женщина – высокая, с огромной грудью, на которой торчком топорщился клеёнчатый фартук, нижним краем достающий до внушительного размера галош. Махнув рукою на мужчин, она смущенно мне улыбнулась, мол, пусть себе, что с них взять, и голосом сочным и глубоким сказала:

– Здравствуйте. Проходите к нам. Маша я.

– Здравствуйте. Очень приятно, Маша. Меня зовут Лида, – отозвалась я и, стараясь обойти ком из коляски и двух человеческих тел, самозабвенно лупивших друг друга, двинулась к Маше. Но манёвр мне не удался – коляска вдруг вынырнула из-за Сергея и встала у меня на пути. Ухмыляясь и склонив голову набок, её хозяин принялся бесцеремонно меня разглядывать. В его глаза свет не попадал – глубокие, надёжно спрятанные под массивными надбровными дугами и занавешенные густыми ресницами, они сами излучали свет.

– Ты всё-таки нашёл её? – завопил вновь человек и повернул лицо к Сергею. – А? Маленькая? Да?

Сергей искоса, с нежностью посмотрел на меня и согласно кивнул.

– Девочка маленького роста, с точёной фигуркой и лучистыми глазами! Это ведь она? – не унимался мужчина, тыча в меня пальцем.

Я прижала ладони к разгоревшимся щекам, кажется, уже весь базар сбежался развлечься за наш счёт. И вдруг мужчина распахнул ручищи и тихо позвал:

– Иди, я обниму тебя.

Я послушно подалась к нему. Удивительно бережно он прижал меня к груди, потом чуть отклонился назад, смачно, мокро расцеловал в обе щеки, а напоследок и в губы и вновь закатился визгливым смехом. Маша замахнулась на него кулаком, он увернулся от наказания и первым проехал в дверь магазина. Следом прошли мы с Сергеем, а за нами Маша.

В магазине встретил юноша и поздоровался густым баритоном. Ростом мальчик был на полголовы выше Сергея, обладал мощным торсом отца и лицом матери. «И голосом, к счастью, в мать и повадками не в отца!» – подумала я.

Приглашая в комнату, находившуюся за торговым залом, Маша на ходу сняла с себя фартук и подала сыну. Я тихонько ахнула – тяжёлые груди, крутые просторные бёдра и в контрасте с ними тонкая талия – Великая Богиня-мать. На спине, достигая ягодиц, лежит коса толщиной в запястье её мужа.

Маша усадила нас за стол, засуетилась, подавая сухофрукты, сласти, выпечку, сервируя стол и ставя чайник одновременно. Муж её ни на секунду не умолкал, рассказывая о счастливой жизни, как выяснилось, большого семейства – пятеро сыновей, внуки и недавно родившаяся внучка. Эгоистичный в своём счастье он хвастался, какая раскрасавица у него внучка, как он любит её – первую девочку в семье.

– Женщины, они лучше нас мужиков. Совершеннее! – закончил он свой рассказ, в назидательном жесте подняв вверх указательный палец, отодвинул от себя недопитый стакан с чаем, крикнул сыну, чтобы тот приготовил специи в подарок гостям и, повернувшись ко мне, спросил: – Понимаешь в специях-то?

– Чуточку понимаю, – ответила я.

– Что знаешь?

– Ну-у… использую перцы – красный, белый, чёрный. Красный свой. Пользуюсь куркумой, корицей, гвоздикой, кориандром, зирой… что ещё? Эстрагон, мята, мелисса, укроп, оре-

гано, сельдерей, петрушка. Сразу и не вспомню все. Травы свои в основном, сама ращу, сама сушу…

– Сама растишь? – удивился он.

– Да. Выращиваю для себя. Дача у нас… то есть, у меня.

Он озадаченно взглянул на Сергея, а Серёжа смотрел на меня, улыбался, а в глазах опять интерес.

– Ну пойдём, вместе выбирать будем, – пригласил хозяин магазина специй и отъехал от стола.

Сергей остался с Машей, провожая меня глазами и напутствуя беззвучным воздушным поцелуем.

Серёжин друг долго рассказывал о многообразии специй, требовал нюхать и растирать их в пальцах, объяснял, какие специи не надо соединять вместе, а что с чем будет хорошо. Я честно старалась запомнить всё, что он говорил, но… и названия-то вряд ли все повторю. Я уже утомилась, когда подошёл Сергей и прервал друга:

– Пора нам, Витя.

Человек в коляске потух – потерял и энтузиазм, и улыбку, и устало спросил:

– Запомнила? Иди, прощаться будем.

Я, как и в первый раз, послушно шагнула к нему, а он, обняв, вдруг произнёс:

– Подранок ты. Вижу. Чувствую.

Его сочувствие было так неожиданно, что глаза мои тотчас наполнились слезами, я дёрнулась назад, но Виктор не отпустил и, успокаивая, стал гладить ладонью по спине.

– Береги её, – говорил он при этом Сергею, – ранена она. Вижу. Чувствую.

Взяв за плечи, он отстранил меня от себя, его темные, такие, что не было видно зрачков, глаза старались проникнуть в мою боль. Я всхлипнула.

Рука Сергея легла на плечи, и губы коснулись уха:

– Маленькая.

Прижав к себе, Сергей уже не отпускал меня – одной рукой прощался с другом, ею же в прощальном привете помахал Маше, ею же взял коробку – гостинец со специями, а я тем временем справилась с собой – высушила слёзы и отёрла щёки. Мы дружно сказали: «До свидания», и вышли из магазина.

На улице Сергей тревожно заглянул мне в лицо, и я успокоила:

– Я в порядке, Серёжа.

Расспрашивать он не стал.

– Расскажи о них, – попросила я, когда мы сели в машину. – Они удивительно гармоничны.

– Длинный рассказ получится, – предупредил Сергей, – давно их знаю… подожди-ка… около тридцати лет уже!

– Пусть длинно и долго!

– О Викторе я услышал, когда с переломом ноги попал в больницу, он уже две недели валялся в хирургии, и весь персонал больницы был занят пересудами о нём и его невесте. Чуть не ставки делали. Чтобы заработать на свадьбу, Виктор решил подшабашить на стройке. После развала Союза на стройках технике безопасности не особо следовали, тем более ночью, в отсутствии начальства. В общем, упала на него какая-то плита или блок. Он плиту видел, хотел увернуться, но поскользнулся в грязи, и вся эта махина рухнула ему на ноги. Собрать ноги хирургам не удалось, он и сам чудом выжил – пока скорая приехала, пока довезли, он крови много потерял. Невеста его в отказ, а он жить не хочет. Врачи её пытались уговорить, чтобы подождала, пока у него шок пройдёт, она ни в какую. В общем, попрощалась. Виктор во время отлучек нянечки сплёл себе удавку из трубок системы, удавиться решил. Девчонка спасла, она бродила по коридору, ждала отца с операции, звук непонятный услышала,

ну и заглянула в палату. Потом Витя из окна вывалиться хотел, на руках добрался до окна, уже и на подоконник взгромоздился. Опять та же девчонка подоспела. Девчонка эта – Маша. Ей тогда лет четырнадцать было, в больницу она к отцу приходила, её отец и латал Виктора. После второго спасения приходить стала к Виктору. Как-то она его и вытащила.

– Судьба она его.

– Перед выпиской я зашёл к нему, как раз после его второй попытки свести счёты с жизнью. Решил поговорить – не по-мужски, мол, так, с жизнью из-за ног счёты сводить. А когда увидел глаза его, нравоучения свои забыл, понял, боль его не с потерей ног связана, предательство он пережить не может – любил он невесту свою. Мы всю ночь с ним проговорили. Я о своей школьной любви рассказал. Так и подружились. В Машины семнадцать Виктор сделал предложение. Отец её принял всё спокойно, а мать не согласилась – обманом увезла Машу в Германию к бабке, собрались в психушку дочку-внучку упечь, только бы не замуж за калеку. Я денег дал, Витя поехал и похитил девочку. Пропали, ни слуху ни духу. Года через два случайно встретил его в этой вот самой лавке. На голос его пришёл!

Серёжа рассмеялся, а я ввернула:

– Да и не лавка, а целый магазин у них!

– Я по нуждам бизнеса в Стамбуле задержался, – продолжал Серёжа. – Мне нужен был партнёр, а сладить с кандидатом не получалось, чем-то я ему не нравился – он и не отказывался, и не соглашался. При очередной встрече я попросил его помочь с гражданством для ребят. Он порекомендовал нужных людей, и дело сдвинулось. Когда Витя с Машей получили паспорта, я решил выкупить и подарить им этот, как ты выразилась, целый магазин. К этому времени они уже первенца родили. Но они согласились только на долевое владение с постепенной выплатой своей доли. Вот так! – Сергей опять рассмеялся. – Так мы стали ещё и деловыми партнёрами. А как тебе экспресс-лекция?

– Да я почти ничего не запомнила! Он названиями трав сыплет, я о таких и не слышала, к тому же названия тюркские, я их даже на слух плохо воспринимаю. Увлечён он… хорошо, когда человек делом своим увлечён. Знаешь, неожиданно как-то видеть его за прилавком сухих трав, он более органично смотрелся бы на фоне разных видов оружия.

– А он и хотел стать военным, да судьба не согласилась. Виктор срочную службу в Афганистане отслужил. Сколько парней в гробах вернулось, а он год воевал и ни одной царапины. А вернулся, жениться надумал.

Утишая его печаль, я поднесла к губам его руку, поцеловала и сказала:

– Маша – красавица. Её бы в камне изваять. А голос какой дивный! Она не поёт?

– Не слышал. Виктор как-то упоминал то ли в шутку, то ли всерьёз, что, когда Маша укачивает детей, соседи сбегаются под окна послушать. Я не придал значения, – он помолчал и добавил: – Несчастлива она.

– Как? Любимый мужчина, дети, внуки!

– Как-то приехал в Стамбул, а встретиться с ними времени не нашлось. На удачу перед отъездом уже заскочил не в лавку, а в квартиру. Маша дома одна была, открыла, глаза красные, лицо опухшее. Видать, наболело, потому и не сдержалась, рассказала. Виктор во время секса иногда называет её именем той, бросившей его женщины…

Я охнула и зарылась лицом в одежду Сергея.

– …бывает, разговаривает во сне, тоже с той, ещё на своих ногах.

– Любит? До сих пор любит? А Маша? Она же… она же его ангел-хранитель!

Мы надолго замолчали; думая об одном и том же, не искали слов. Машина остановилась. Вздохнув, Серёжа сказал:

– Давай выбираться, Маленькая. Мы уже в который раз вокруг гостиницы крутим.

– Серёжа, Машу надо обязательно проверить на слух, – задумчиво произнесла я, – и, если слух есть, ей обязательно надо петь!

Перекусив чаем у Виктора и Маши, мы решили не обедать. Я приняла душ и перед тем, как отправиться в салон красоты – уложить волосы и «сделать лицо», позвонила маме.

Мама уже всё знала. Услышав мой голос, она заплакала и запричитала: «Как же так, Лида… как же так можно с Костей… какая такая половинка в твои почти шестьдесят… ты сошла с ума… люди в эти годы старость ждут вместе, берегут друг друга… разве можно вот так, не подумав, не узнав человека… а вдруг он аферист какой…»

Я слушала непрекращающийся поток упрёков и страхов, изредка делала попытку вставить слово, но понапрасну – меня не слышали. Слушала и смотрела на Босфор. И тоже плакала.

Сергей стоял за спиной, обнимая меня за плечи, и слышал каждое слово мамы. Постепенно её монолог перерос в наш диалог.

– Лида, возвращайся, возвращайся сегодня же! У меня душа болит, я весь день плачу. Да у тебя даже денег нет! Ты почему деньги у Кости не взяла? Приезжай, Лида!

– Мама, мамочка! Со мной всё хорошо, услышь меня! Всё в порядке! Не плачь!

– Если он такой хороший, пусть он привезёт тебя, пусть со мной познакомится.

– Мам, я счастлива! Первый раз в жизни абсолютно счастлива!

– А если он бросит тебя, а Костя не простит?

– У меня останутся воспоминания! Пусть несколько дней, но счастья!

– Какое счастье? Что ты говоришь? – она опять заплакала.

– Мама, успокойся, я обещаю, я приеду через три дня. Через три дня, слышишь? Звонить буду каждый день.

– Деньги куда выслать?

– Не надо денег, мама. Я позвоню завтра в это же время, хорошо? Только не плачь! Не плачь, пожалуйста!

Кончив разговор, я повернулась к Сергею и спрятала лицо на его груди. Его ладонь легла на мой затылок извечным жестом защиты.

– Завтра я отвезу тебя в спа-центр, – стал нашёптывать он мне в макушку, – за тобой там поухаживают, попарят, сделают массаж, какие-нибудь девчоночьи процедуры. Ты любишь баню?

Я кивнула.

– А когда за тобой ухаживают, любишь?

Я опять кивнула, уже улыбаясь, хоть и сквозь слёзы.

– Вот и славно! А я займусь делами, за день управлюсь со всеми нуждами, а на следующий день мы сходим в Айю, посетим Голубую Мечеть, а вечером вылетим в Алма-Ату. Ну, взгляни на меня!

Я потянулась к его губам. Его нежность быстро высушила мои слёзы, и я отправилась в салон.

Волосы мне и помыли, и напитали, и уложили. Насилу отбилась от закрепляющего все эти труды фиксатора. Мастер настаивал, даже рассердился, но уяснив, что вразумить не удастся, отступился. Я и так сомневалась, что Серёжке понравится дышать всей этой смесью масел и филлеров, но лак – это слишком даже для меня, я люблю живые волосы.

А вот с визажистом мне повезло. У девочки рабочий халатик оказался почти того же оттенка синего, что и моё платье. Как могла я объясняла, что макияж мне нужен к туалету цвета её халата, она поняла, достала ещё один такой же халат и накинула мне на плечи. Я отказалась от помады, она не спорила, внимательно оглядела моё лицо и принялась творить.

Угробив почти два с половиной часа, вся божественно прекрасная я вернулась в апартаменты.

Сергей мерил шагами гостиную, в руке держал мой паспорт и слушал по телефону чью-то речь. Увидев меня, он почему-то не восхитился, а когда подошёл и наклонился поцеловать, то поморщился и отпрянул. Я налила себе чаю и села в кресло, следя за ним глазами – бесшум-

ный шаг, ни одного лишнего жеста, спокойное молчание сменяется чередой коротких поручений, уверенный баритон звучит негромко, без нажима. Этот человек привык, что его слушают и слушаются. «Я люблю его! – подумала я с неведанной мне ранее смесью гордости и нежности. – Люблю этого малознакомого мужчину. Люблю его голос, люблю руки. Люблю, как он меня целует. Рядом с ним я не боюсь незнакомых людей. Одним только взглядом он дарит мне свободу от моих же зажимов. Мама решила, что я сошла с ума… Нет, я не сошла с ума. Это раньше я была сумасшедшей, не знающей любви. А этого мужчину я узнаю! Я узнаю о нём всё, только дай мне время, мама!»

Кончив разговор, Сергей остановился у моего кресла и подал мне паспорт.

– Извини, достал без спросу. Твоя мама права, у тебя должны быть деньги. Я открыл счёт, завтра заедем в банк и получим карту. Так будет быстрее, чем ждать, пока пришлют, – он оперся руками в подлокотники моего кресла и потребовал: – Дай губки.

Начав целовать, не остановился, выхватил меня из кресла и понёс в спальню.

Мастер хорош! Причёска немного растрепалась, но хватило нескольких движений руками, и растрепавшиеся волосы вернулись на место. Поглядывая на себя в зеркало, я надела чулки, дальше изумительной красоты туфли, а потом платье.

– Серёжа, помоги, – не отрывая глаз от своего отражения, я повернулась к нему спиной, прося застегнуть молнию на платье. Платье обхватило фигуру, и по моему лицу расползлась довольная улыбка. Дама в зеркале мне нравилась. Я хохотнула и вдруг заметила остановившийся взгляд Сергея – глядя на меня, он поправлял в рукавах пиджака манжеты сорочки. Я призывно потянулась к его отражению, он усмехнулся и отвёл глаза, назвав меня хулиганкой.

Помогая надеть пальто, он посмотрел на мою обувь и проворчал:

– У отеля машину подадут прямо к выходу. А вот до ресторана придётся пройтись. Ладно! – махнул он рукой. – Пойдёшь на руки!

Серость дня, наконец-то, разрешилась дождём. Глядя на кляксы первых капель на лобовом стекле машины, я спросила:

– Как мне себя вести?

– Маленькая, не надо ничего усложнять, – поморщился Сергей, – будь собой.

– Тогда расскажи о своём партнёре.

– Мехмет Шахин. Работаем давно. Немногим старше меня, сдержанный, предпочитает молчать и слушать. Не улыбчив. Человек порядочный. Недоверчив. Даже при расширении дела не согласился подключить кого-то третьего. Я предлагал Николая, познакомил их и получил категоричный, даже возмущенный отказ без объяснений. У меня деньги были, а он, дабы не расширять количество соучредителей, предпочёл взять долгосрочный кредит. Это тот самый человек, который помог Виктору и Маше с оформлением гражданства.

– Он же не соглашался на сотрудничество. Почему передумал?

– Сказал: «Человек, бескорыстно помогающий другим, заслуживает доверия». Доверие есть с обеих сторон, а дружбы нет.

Доехали мы быстро, видимо, сегодня весь день мы кружим по одному и тому же району. Машина ещё не остановилась, а к ней уже бежали два швейцара с огромными зонтами. Сергей вышел под зонт, подошёл к моей дверце и, взяв меня на руки прямо из кресла, широким шагом направился к дверям ресторана. Швейцар едва поспевал за ним, а проще сказать – бежал, укрывая нас от дождя. Зайдя под козырёк, Сергей поставил меня на ноги и шагнул вперёд, протягивая руку высокому сутулому человеку с густой шапкой волнистых, чуть тронутых сединой волос и строгим эллинским профилем. Тот крепко захватил протянутую руку, встряхнул несколько раз, кивнул и повернулся ко мне. Я увидела, что эталонную красоту его лица нарушает нижняя губа, – мягкая, красная, она слегка отвисала – дегенеративная черта на породистом и гордом благородными предками лице.

Я улыбнулась, отвечая на пристальный, изучающий взгляд чёрных глаз.

– Маленькая, это Шахин Мехмет, мой партнёр, – представил Сергей, – Мехмет, моя жена Лидия.

Вторая часть прозвучала для меня неожиданностью, при слове «жена» я невольно бросила взгляд на Серёжу, что не могло укрыться от Мехмета, и подала руку.

– Здравствуйте, Мехмет.

Не отвечая на приветствие, Мехмет взял мою руку, в тот же момент выпустил и простёр длинную длань в приглашающем жесте.

Он привёл нас в отдельный зал, отгороженный от общего зала огромной стеклянной дверью-купе, раздвинутой во всю ширь и задёрнутой тяжёлыми шторами. Внутри за большим круглым столом одиноко сидела женщина в мусульманском одеянии. Она встала, едва мы вошли, и поклонилась. Мехмет на очень недурном русском представил:

– Лейла. Моя жена.

Смущённо улыбаясь, Лейла несмело пожала мою руку, а на Сергея и не взглянула.

Закончив с формальностями, мы сели за стол.

Есть хотелось страшно, а стол был сервирован, но пуст, и за заказом никто не спешил. Мехмет задумчиво изучал кисти своих рук, положив их на стол перед собой – его ухоженные ногти с большой резко очерченной лункой при каждом движении поблёскивали лаком. Лейла, наоборот, прятала руки под столом и сидела, вперив взгляд в пустую тарелку. «Она что, духов еды вызывает? – досадовала я про себя. – Сколько мы так будем сидеть? Я – гостья, неловко брать управление на себя». Затянувшееся молчание само по себе угнетало, а уж на голодный желудок было и вовсе невыносимым. Нарочито громким шёпотом, я спросила:

– Серёжа, молчание за пустым столом – это неизвестный мне ритуал?

Сергей рассмеялся. Лейла вздрогнула и беспомощно заметалась глазами, надеясь по нашим лицам определить причину оживления. Мехмет тоже выпал из забытья, что-то крикнул, повернув голову к двери, и – вот оно, чудо! – позволил себе улыбнуться. Почти тотчас из-за шторы материализовался наш гостиничный Серёга.

– Серёга! – всплеснула я руками. – Серёга, выручай! Последний раз ели, когда ты нас завтраком кормил! Принимай скоренько заказ и шефу скажи, пускай поторопится!

Растеряв улыбку, Серёга озадаченно захлопал глазами.

– Как, когда завтраком кормил?

– Забудь! – махнула я рукой. – Я буду рыбу. Рассказывай, какая есть.

Недолго разбираясь в нюансах кулинарии, я заказала жареного угря и соус гуакамоле с помидорами. Сергей справился с заказом, тоже не заглядывая в меню, – заказал национальное турецкое блюдо из мяса ягнёнка. Взмахом руки Мехмет отправил Серёгу на кухню, добавив что-то по-турецки, и через пять минут на столе появилась закуска – вычурно разложенное на тарелке холодное мясо, какие-то лепёшки, начинённые мясным фаршем, хлеб в плетёной корзинке и фрукты на большом блюде. «Ну теперь можно и дальше дружно помолчать», – удовлетворённо подумала я, беря из корзинки мягкую, ещё тёплую булочку и надкусывая грушу.

В течение ужина мужчины вполголоса переговаривались о делах, разговор вели по-русски, и бедняжке Лейле было совсем неуютно. Оставленная без внимания мужа, она время от времени вскидывала на него глаза и, не найдя в его лице интереса к себе, вновь опускала взор в тарелку. Её маленький и без того пухлый, как розовый бутончик, ротик всё больше выпячивался, набухая обидой.

«Совсем ещё девочка, – подумала я, – нежная, красивая, робкая. Жена, но не подруга. А муж… – я взглянула на Мехмета, он ответил мне продолжительным взглядом, – …муж слишком уж безучастен к ней. Но к нам проявил приятное гостеприимство – встретил на входе в ресторан, пригласил русского официанта, привёз на ужин жену». Медленно склоняя голову, я выразила Мехмету благодарность, он принял мою благодарность таким же наклоном головы.

У него были широкие красивые брови и длинные ресницы, такие длинные, что, когда он чуть опускал глаза, ресницы отбрасывали тень на верхнюю часть щёк.

Вдруг Сергей поднялся из-за стола и, протянув мне руку, сказал:

– Маленькая, пойдём потанцуем.

Послушно подав ему руку, я прислушалась: в обеденном зале звучал вальс. «Потанцуем?! – дошло наконец до меня. – Я танцевала много… господи! даже не вспомню сколько лет тому назад! И верх моего мастерства – это топтание на месте, руки партнёра на моей талии, мои – у него на плечах». Делая попытку остановиться, я шёпотом воскликнула:

– Серёжа, подожди! Серёжа! Я не умею!

Увлекая меня вперёд, он обнадёжил:

– Не бойся, я не уроню тебя! – и раздражённо прибавил: – Чуточку отдохни от взглядов нашего визави!

Мы вышли на середину зала. Сергей меня обнял. Я оперлась спиной на его руку и вновь запаниковала: «Дальше-то что?!» Разместила свои руки – одну положила на его плечо, другую вложила в его ладонь. Подняла подбородок, вытянула шею, поднялась на носки и… раз, два, три… и… раз… и сбилась – в следующем такте я опять двинулась на Серёжу, а должна была отступать назад. Он словно и не заметил, увлекая меня за собой. Смущённая оплошностью, я робко взглянула в его лицо и забыла и о ногах своих, и о руках… тёплый взгляд захватил, унося в другую реальность. Только в этот момент я услышала музыку, звучал «Осенний сон», я силилась вспомнить имя композитора и не смогла. Звуки мелодии проникли внутрь, подчиняя меня себе, своей гармонии. Я засмеялась, отдаваясь восхитительному ощущению этого слияния. «Танцую! Я танцую!» Глаза Сергея мерцали искорками. «Люблю тебя!» – хотела я крикнуть, но музыка оборвалась.

– Всё? – выдохнула я разочарованно.

Сергей рассмеялся и склонился к моей руке. Неожиданно позади раздались редкие хлопки. Я вздрогнула, оглянулась и увидела улыбающиеся лица посетителей ресторана. Я сделала попытку спрятаться за Сергея, но он удержал и, слегка кивнув «зрителям», повёл меня к спасительным шторам.

– Маленькая, ты восхитительно податлива! – сказал он. – Танцевать с тобой одно удовольствие!

– Правда?

Чуть заступив вперёд, я заглянула в его лицо, чтобы проверить, не насмешничает ли он надо мной. Он улыбнулся и кивнул.

– Не-ет, – всё равно не поверила я. – Тебе правда-правда понравилось?

Он ещё раз кивнул.

– О, Серёжа, я так благодарна! Такое завораживающее, такое… восхитительное кружение! – повторила я за ним его эпитет и засмеялась.

Не имея больше слов, я прижалась щекой к его плечу. Голова моя чуть-чуть кружилась, а спиной я до сих пор ощущала тепло и надёжность его ладони. «Я танцую! – ликовала я про себя. – Танцую!»

Мехмет тоже был в числе «зрителей». Он встретил нас перед шторами, беззвучно аплодируя пальцами, чуть поклонился мне и сопроводил нас к столу.

Завершить ужин Серёга предложил лучшим кофе в Стамбуле. Я равнодушно покачала головой, на что тот опять захлопал глазами и с обидой в голосе заявил:

– Здесь работает самый знаменитый бариста в Турции! И кофе он делает по древним рецептам!

– Да ладно! – подразнила я. – Все рецепты давно известны, гугл-всезнайка что хошь разболтает. Что твой бариста использует в качестве специй?

Серёга лишь разулыбался. Подозреваю, у парня в наличии только два варианта выражения лица – растерянное хлопанье глазами и улыбка на всю возможную ширину рта. Я подняла к потолку глаза, припоминая всё, что читала про кофе, и всё, что слышала сегодня от Виктора, и начала перечислять:

– Гвоздика, шафран, апельсиновая корка, кардамон… слышала про цветки померанца…

Серёга хмыкнул.

– Что? Попала? – обрадовалась я.

Я видела, ответ просто выскакивает с его языка, так и рвётся наружу, но, получая удовольствие от игры, паренёк и на этот раз отмолчался. Я ещё немного подумала, в голову ничего путного не приходило, и я сдалась:

– Ну ладушки, не будем обижать лучшего бариста Турции. Неси! Будем дегустировать!

Минут через десять Серёга принёс кофе. Каждому отдельную джезву, каждому большой запотевший стакан с холодной водой и крохотную кофейную пару с ложечкой.

Ложкой я перенесла пенку из джезвы в чашку, аккуратно по стеночке чашки налила кофе и поднесла напиток ко рту. Вдохнула аромат и сразу узнала:

– Карамель! Серёга, я узнала, это плавленый сахар! А ещё… подожди…

Я ещё раз вдохнула в себя аромат и пригубила кофе. Кофе, и в самом деле, был отменным.

– Всё-таки цедра? Нет-нет… запах немного другой… померанец? – и поскольку Серёга продолжал молчать, я объявила: – Всё! Сдаюсь! Два-ноль, в твою пользу.

– Почему два-ноль? – захлопал он глазами.

– Ну как же? Ты ухитрился навязать мне и кофе, и угадайку!

В моей джезве ещё оставался кофе, когда в помещение вошёл пухлый человек, одетый во всё белое. Голову его покрывала смешная белая шапочка, сползающая блином на шею. Приблизившись к столу, толстяк обеими руками протянул бумажный пакет и заговорил, обращаясь ко мне, но кося глазом на Мехмета.

– Маленькая, это комплемент от шеф-повара, – пояснил Сергей и перевёл: – Сласти, которые он делает лучше всех в Стамбуле.

– О! – восхитилась я. – Благодарю, эфенди, я тронута, – я приняла пакет и заглянула внутрь. – Гранатовый лукум! Ещё раз благодарю, эфенди! Вы очень вкусно накормили нас. Спасибо за ужин и за подарок.

Слова признательности я подкрепила аплодисментами. Серёжа поддержал меня.

А на улице меня ждал ещё один сюрприз – снег! Увидев круговерть снежинок в свете фонаря, я засмеялась. Снег, вероятно, пошёл недавно и ещё не успел покрыть землю.

Прощаясь с Мехметом и Лейлой, я рассыпалась обилием улыбок, жестов и слов благодарности за приятно проведённое время и ужин. Мехмет галантно поцеловал мне руку, Лейла же без смущения продемонстрировала неприязнь – всего лишь холодно кивнула и, не дожидаясь мужа, ушла в машину.

Потом я вновь оказалась на руках Серёжи. И над нашими головами вновь поплыл зонт. Я протянула руку к снежинкам, но зонт был слишком велик, и за его пределы рука не достала. Внезапно зонт отклонился в сторону, и несколько снежинок упало мне на ладонь. Я выглянула из-за плеча Серёжи и поблагодарила:

– Спасибо!

Швейцар едва заметно улыбнулся, но тотчас отвёл взгляд, вновь сделавшись невозмутимым. Он улыбнулся ещё раз, когда я махнула ему рукой из машины – мы отъезжали, а он так и стоял, провожая, словно неся караул.

– Хорошие традиции в этом ресторане, – проговорила я, отворачиваясь от окна, – гостей встречают и провожают, шеф выходит на поклон да ещё с подарком для гостя. Приятно, да? И нахваливают себя так просто и хорошо – по-человечески, всё-то у них самое лучшее, и кофе, и сласти!

Сергей рассмеялся.

– Ресторан принадлежит родителям Мехмета, а основал его их далёкий предок, какой-то там пра-пра-прадед.

– Вот как? – вежливо отреагировала я на неинтересную информацию и спросила: – Лейла много моложе мужа. Мехмет женат повторно?

– Не знаю, мы не обсуждаем личную жизнь друг друга. Знаю только, что Мехмет бездетен. Он считает сыном сына своей сестры. Паренёк в Штатах учится.

«Бедная Лейла, – посочувствовала я про себя, – такая юная, а ни матерью не суждено стать, ни подругой. А я? – я взглянула на Сергея. – Кем могу стать для тебя я?» Перебирая в памяти прошедший день, я подумала, как много нового Сергей привнёс в мою жизнь – новые знакомства, события, впечатления. «И танец!!! Господи! Танец!» – вдруг вспомнила я и вновь наполнилась ликованием. И тотчас же вспомнила то состояние паники, что пережила перед танцем. Я хохотнула, чмокнула Сергея в щёку и поинтересовалась:

– Танго ты тоже танцуешь?

– Танцую, но… – он сделал паузу и, усмехнувшись, закончил: – Боюсь, на танго с тобой мне не хватит моего прославленного самообладания.

Глядя на его профиль, я ждала пояснений, но он своих слов не пояснил. Он вообще был какой-то… напряжённый.

– Ты ревнуешь? – спросила я напрямую.

Помолчав, он поцеловал моё, запрокинутое к нему, лицо и кивнул.

– У тебя удивительная способность привлекать к себе людей. Я забыл об этом. Сколько парней в школе мечтали о тебе, да и девочки были рады, когда ты обращала на них внимание.

– А бывало, что я на кого-то не обращала внимания?

Он вновь усмехнулся и отвернулся. Протянув руку, я кончиками пальцев погладила его по щеке – отросшие за вечер волоски приятно кололи кожу. Я прошептала:

– Серёжка… я люблю тебя.

На ресепшн Сергея ждала посылка. Прямо у стойки он содрал с посылки упаковку, открыл коробку и подал мне телефон.

– Завтра заедем к оператору связи и зарегистрируем номер.

Вокруг были люди, потом люди были и в лифте, поэтому благодарить за подарок я потянулась к нему, когда мы вошли в номер. Будто раздумывая, обнять меня или оттолкнуть, он секунду помедлил и приказал:

– Беги в душ. Быстро.

Я не успела даже раздеться, когда он заявился туда же – мрачный, неистовый, порыкивающий от нетерпения. Любимый!

После душа, с отмытыми от всех запахов волосами, неся в руке платье и туфли, я нашла Серёжу в гостиной. Обложив себя гаджетами со всех сторон, он работал.

– Маленькая, ложись спать, не жди меня, – проговорил он, не отрывая взгляда от ноутбука. – Я ещё поработаю.

Я скользнула взглядом по его сорочке с тремя повисшими на лоскутах пуговицами. Провозившись с запонками, пуговицы расстёгивать Сергей посчитал излишним и просто рванул две половинки сорочки в разные стороны, отчего часть пуговиц разлетелась по ванной, а эти три, не пожелавшие расстаться с сорочкой, повисли на вырванных лоскутах. Подойдя со спины, я поцеловала Сергея в висок и ушла в спальню. Повесила платье в шкаф, туда же убрала туфли, выключила свет, оставив гореть прикроватные светильники, и легла поперёк кровати.

Я где-то читала, что одновременный оргазм – это миф, недостижимая мечта даже при наличии чувств у партнёров. В наш первый секс я подумала, что совпадение начала наших конвульсий произошло случайно. Но каждый наш секс заканчивается так же, как первый. И всегда – при переходе из наивысшей точки напряжения к первому сокращению, рождается поток

огненной энергии, который устремляется из таза вверх и растёт, ввергая сознание в состояние не-жизни. В состояние безмыслия. Спустя мгновения сознание возвращается, исполненное благодарностью – к партнёру, Вселенной, к Богу, ко всему, чего коснётся мысль. Поток, по-видимому, трансформирует низкочастотные энергии – тело становится легким, ухо не слышит, но, кажется, каждая клеточка звучит победным ликованием. Что служит тем необходимым условием, чтобы одновременный оргазм стал реальностью? Любовь партнёров друг к другу? Думаю, это необходимое условие, но недостаточное. Тогда что? Партнёры находятся на одном энергетическом уровне развития? Они две половинки единого целого? Партнёры уже много жизней провели в качестве любовников? Ответа у меня не было.

Я уже обсудила этот вопрос с Сергеем. Он сказал, что технически в одновременной разрядке ничего сложного нет. Женщине чаще всего требуется больше времени для достижения оргазма, и умеющий контролировать себя мужчина может просто дождаться нужного момента. Ну, а когда партнёры давно вместе, они так или иначе сонастраиваются.

– Ты хочешь сказать, что для тебя одновременный оргазм – это постоянная составляющая секса? – спросила я.

– Нет. Но если я поставлю себе такую цель, это вполне достижимо.

Я испытала глубокое разочарование от его слов.

– Значит, наш одновременный оргазм – это просто исполнение твоей воли?

– Нет, не значит. Я не ставил такой цели. Во-первых, с тобой я пока не контролирую себя. Мне это попросту не удаётся. Во-вторых, я не вполне уверен, но у меня стойкое ощущение, что у нас совпадает сам момент взрыва. Если бы я ждал тебя, я всё равно бы опаздывал хотя бы на секунду. В-третьих, я очень хочу совпадать с тобой. Это как данность, как единственная возможность завершения секса. Не знаю, откуда возникла такая необходимость, раньше я в ней потребности не ощущал.

– Поэтому ты сердишься, когда я успеваю раньше тебя?

– Я не сержусь, Маленькая, скорее… чувствую разочарование, что ли. Но ты набираешь новый потенциал, и мой оргазм всегда совпадает с твоим…

Я так и лежала поперёк кровати, погрузившись в анализ всего своего сексуального опыта, когда пришёл Сергей.

– Не спишь? – спросил он, снимая халат.

Я приподняла голову, взглянула в его глаза, столь спасительные для меня, уже родные, и прошептала, скорее себе, чем ему:

– Я тебя люблю. Люблю. Я люблю тебя.

Он поднял меня на ноги, стянул с меня халат и, откинув одеяло, велел:

– Забирайся!

А когда лёг сам, и я устроилась головой у него на плече, он, запнувшись, выговорил:

– Расскажи… расскажи о своей беде.

На мгновение я замерла, и в следующее мгновение оттолкнулась от него. Но его руки мягко удержали меня. «Всё это сегодня уже было… Зачем? Но ведь это Серёжа…» – напомнила я себе и, обмякнув, уткнулась носом ему в шею. Он молча гладил меня по голове, ждал, когда я буду готова к рассказу, а я отрешённо думала: «Когда-то всё равно придётся рассказать… всё равно придётся… Настя…» – произнеся имя, я позволила воспоминаниям всплыть на поверхность. Перед глазами возникло её лицо из того последнего нашего дня.

– Глаза её были прикрыты, она не хотела со мной говорить. А я… я всё делала попытки её накормить. Я приехала в реанимацию, чтобы покормить её. Они меня пускали к ней один раз в день, она отказывалась есть больничную еду. В тот день отказалась и от моей еды тоже… я не нашла, что ей сказать… мне было так страшно… если бы я знала, что вижу её в последний раз живой, я бы нашла слова? Я не сказала самых главных слов. Я не сказала ей, как я люблю её. Я не сказала о своей благодарности за то, что она пришла в мою жизнь маленьким комочком

и разделяла со мной жизнь двадцать шесть лет. Всего двадцать шесть лет! Ей, моей девочке, никогда не будет двадцать семь, тридцать… она навсегда осталась в том своём возрасте. Я не хотела видеть реальность. Я не хотела знать, что она умирает. Я трусливо пряталась от очевидного. Я к тому времени безмерно устала. В больнице она лежала уже месяц и пять дней. Я вместе с ней. Вначале на кушетке напротив её кровати, в палате кроме нас ещё больные. Потом мы были с ней вдвоём. Я вставала в четыре тридцать утра, чтобы всё успеть до того, как она проснётся. Успеть привести себя в порядок. Ложилась около двенадцати – часу ночи. Днём, когда приходил Костя, могла бы поспать, но мне не спалось. В начале нашего больничного месяца я просыпалась ночами, прислушивалась к её трудному дыханию, а позже не сразу просыпалась, даже когда она меня звала. Она сердилась, что я так крепко сплю. Я смогла бы не спать, если бы знала, что это последний наш месяц? Её состояние не улучшалось. За этот месяц она три раза прошла через реанимацию. Если бы я знала, что это последний месяц её жизни, я бы нашла в себе силы не устать?

Первый раз я её чуть не потеряла, когда ей было всего полтора года. Она сгорела за сутки. Скорая за скорой, никто не мог определить, что с ней. Когда привезли в стационар, общая интоксикация организма была такой, что её отправили в реанимацию с прогнозом «не выкарабкается». Меня в реанимацию не пустили. Я не спала трое суток, разговаривала с небесами, ругаясь, требуя, чтобы не смели её забирать. Я тогда была очень сильной, тогда я не позволила страху поселиться в себе.

Потом, я её сама, своими руками почти угробила. Препаратом, которым мы пользовались много раз до этого. Я ввела его и вызвала у неё анафилактический шок. Вначале не поняла, что с ней, позвонила знакомому врачу, та дозвонилась в скорую и попросила отправить на мой вызов лучшую педиатрическую бригаду города, хотя Насте было уже шестнадцать. Приехала реанимационная бригада. По часам прошло десять минут, а для меня прошли годы. Я до сих пор помню её глаза – неотрывно, неуступчиво смотревшие на меня.

Диагноз мы узнали, когда Насте четыре с половиной было. О такой генетической мутации казахстанские врачи в то время не знали. Анализы на исследование в Москву отправляли. Когда я нашла информацию, прочла, что это за заболевание, узнала статистику летальности, я решила, что у моей девочки будет всё иначе. Она не умрёт. Я не позволю! Позже выяснилось, что у неё не одна мутация. Две. Наверное, чтобы наверняка. Без вариантов. Одна из двух самая тяжёлая при этой патологии. Сама по себе без вариантов.

Но я всё время была сильной и бесстрашной. И Настя была сильной. Никогда не жаловалась. Её друзья и не знали об её каждодневной борьбе за жизнь. Жила, как все. Только дышать ей было трудно. Лёгкие забиты секретом, в такие лёгкие трудно протолкнуть кровь, сердце от перегрузки с каждым годом увеличивалось в размерах. Тяжело подниматься в горы, но она всё равно шла вместе со всеми. Трудно танцевать, но она не пропускала ни одной вечеринки. Жила взахлёб. Кашель изматывающий – его и слышать было невыносимо! – она ухитрялась трансформировать в легкое покашливание, позволяя прорваться приступом только дома, когда рядом нет посторонних. Я не могла жалеть. Боялась, что она от жалости ослабнет, а слабой ей быть было никак нельзя. Мне надо было просто любить, а я суровой была. Чтобы ни-ни слабости. Любовь за слабость принимала.

Она кончила два ВУЗа. Параллельно в одно время. Потом магистратуру. Пробовала писать. У неё бы получилось! Ей присущ природный сарказм, сама себя сдерживала, боялась обидеть людей. Салтыков-Щедрин – любимый писатель.

Сломалась я года за три до её смерти. Бояться стала. Смерти её бояться стала. Один раз позволила себе допустить эту мысль, потом только слабела. А потом отодвинула от себя, как будто спрятала. А человек, живущий в страхе, он – слабый, он не может бороться. Потому и ей уже ничем не могла помочь. И не помогла. Отпустила. Понимаешь? Ей не позволяла быть слабой, а сама из слабости отпустила!

Десять лет Насти нет. У меня остались только её могила и мои воспоминания. И ещё чувство вины. Я и чувство вины отодвигаю от себя. Прячу. Или сама прячусь…

Сергей сидел в изголовье кровати, опираясь спиной на подушки, и держал меня, как ребёнка, на руках. Я не знаю, в какой момент я стала говорить вслух. С первых ли образов прошлого, которым дала волю впервые за много лет, или позже? Сергей молча целовал моё мокрое лицо, а когда слова переходили в вой, только крепче прижимал к себе. Наконец я обессилела. Он начал тихонько баюкать меня, покачиваясь из стороны в сторону.

– Давай-ка, Маленькая, спать будем, – прервал он своё молчание.

Лёг, я вытянулась вдоль его тела и вновь положила голову ему на плечо. Прижавшись щекой к моему лбу, он прошептал:

– Каждый человек может сделать только то, что он может сделать, Лида. Сверх меры никому не посильно. Ты не одна, Маленькая, слышишь? Я всегда буду рядом с тобой!

«Без Насти я одна, теперь навсегда одна, Серёжа!» – мысленно возразила я.

День третий

Утро встречало солнцем. Через проем двери я увидела лучик на полу гостиной и улыбнулась.

– Проснулась? – спросил Серёжа.

Я потянулась. Глаза ещё не хотели открываться, а, может, и не могли после ночных слёз.

Сергей наклонился надо мной, и я перевернулась на спину. Теплые, сухие губы нежно коснулись моих век, поцеловали щёки, подбородок, остановились у рта, и он прошептал:

– Малышка, просыпайся. Я отвезу тебя в спа-центр, там доспишь.

Я закинула руки ему за шею и прижалась к его рту. Очень бережно он поцеловал мои губы. Стесняясь, едва слышно, я шепнула:

– Я хочу тебя.

Сергей замер, осознавая сказанное… застонал и дал волю желанию…

Начали мы день с посещения банка. Едва вошли в холл, навстречу бросился служащий, здороваясь по-английски, одновременно и сгибаясь в поклоне, и простирая руку вглубь холла. Изогнувшись бочком и отставая на полшага, он сопроводил нас до нужного кабинета. Перед дверью забежал вперёд и, согнувшись ещё больше, открыл её перед нами. Хозяин кабинета встретил стоя, видимо, был уже оповещён о приходе посетителей. Произнеся слова приветствия, он указал на маленький круглый столик в окружении трёх кресел, и пока мы с Серёжей рассаживались, отдал распоряжения застывшему в неподвижности подчинённому. Тот выскользнул за дверь, хозяин кабинета повернулся ко мне и что-то сказал.

– Маленькая, отдай ему паспорт, – перевёл Сергей.

Я подала паспорт, и хозяин кабинета покинул нас вслед за служащим.

– Какая почтительность! – восхитилась я. – Ты вип-клиент банка?

– Хозяин, – поправил Сергей не без самодовольства, – но персоналу это знать незачем.

Я тихонько хохотнула – его самодовольство было первой маленькой слабостью, которую я обнаружила в нём. В ответ на его удивлённый взгляд я невинно сообщила:

– Я люблю тебя!

Он опустил глаза на мой рот, и я перестала дышать. Ну как? Как одним только взглядом он будит во мне желание?

В кабинет влетел давешний служащий с разносом в руках и принялся расставлять на столе кофейные чашечки, джезву, сахарницу, поставил тарелочку со сластями и поклонился. Мы дружно в голос поблагодарили его на разных языках, и он так же стремительно, как и появился, исчез.

– Будешь кофе? – спросила я и взяла джезву в руку.

Сергей отрицательно качнул головой, и джезва вернулась на место.

– Что с Серёгой? – вновь спросила я.

– Пошёл увольняться. Открою мастерскую по ремонту двигателей. Он в танковых войсках служил, говорит, разбирается в моторах.

– Мастерскую откроешь в Херсоне?

– В Крыму. Маленькая, а ты молодец! Вчера одной фразой и паренька окрылила, и работодателю на ценность сотрудника указала.

– Ты про два-ноль? – уточнила я и рассмеялась. Мне была приятна его похвала.

Минут через десять вернулся хозяин кабинета – одной рукой он подал мне паспорт, второй протянул карту и выписку со счёта. Сергей поднялся на ноги и, видимо, в очень приятных эпитетах стал благодарить банкира. Тот расцвёл довольной улыбкой и проводил нас до самого выхода из банка. Будучи выше ростом, прощаясь, он каким-то образом ухитрялся снизу заглядывать мне в лицо.

– Мне показалось, – выйдя на улицу, спросила я, – он ко мне переменился, когда вернулся с картой. Что-то напоминающее подобострастие появилось, нет?

Сергей покосился на меня лукавым глазом и спросил:

– Тебе понравилось?

– Нет, Серёжка, ну что ты такое говоришь? Подобострастие и лесть всегда неприятны!

– Вероятно, его впечатлила сумма счёта.

Я посмотрела в листок выписки – слов я не поняла, но арабские цифры узнала.

– Пятьсот тысяч? О Боже! Евро? Серёжка, зачем так много?

Лицо Сергея почему-то опечалилось, он покачал головой.

– Не много, Маленькая. Расходуй, счёт будет пополняться автоматически.

Я поднялась на носки и поцеловала его в щёку.

– Не так! – буркнул он. – Дай ротик!

Офис оператора связи находился прямо против банка через дорогу, мы получили симкарту к моему новому телефону, и по дороге в спа-центр Сергей забил в память телефона свои номера, номера Виктора и Маши, номер своего юриста, поразмышлял и внёс номер Мехмета. На вопрос, зачем, пожал плечами и ответил:

– На всякий случай.

Спа-комплекс принадлежал сестре Мехмета. Подобно тому, как её брат проявил приятную нам предупредительность, так и она – сама встретила нас на входе, а для сопровождения по комплексу приставила ко мне русскоговорящую девушку Айгуль, родом из Казахстана. Расточая улыбки, хозяйка пожелала приятного отдыха и удалилась, сославшись на дела.

– Не скучай, – прощался Серёжа, – я постараюсь освободиться пораньше. Иди, я посмотрю тебе вслед.

– Нет, Серёжа, это я посмотрю тебе вслед! Так правильнее, – я взяла его за руку и повела к выходу. Перед дверью прижалась к нему. – Я буду ждать, а ты не торопись, делай свои дела. Я люблю тебя.

Он вышел, сквозь стекло двери я смотрела ему в спину, посылая вслед свою любовь. Садясь в машину, он взглянул в мою сторону и, увидев, что я всё ещё не ушла, обрадовался и помахал рукой. «Всегда провожай своего мужчину и, как бы не была занята, встречай! Когда женщина провожает мужчину – дела его удаются легче, а когда выбегает к порогу и встречает после рабочего дня, то тем выражает признание за его труд на благо семьи». Я с юности знала эту истину, но крайне редко провожала Костю до порога. И ещё реже встречала.

Машина отъехала, и я направилась к терпеливо ожидающей меня девочке.

– Веди, – смиренно сказала я.

Вначале меня уложили на теплый мраморный полок. Напитываясь теплом камня, тело моё стало расслабляться, тихая заунывная музыка способствовала тому же самому и, незаметно для себя, я уснула.

Проснулась от прикосновения – пришло время идти в хаммам.

Сквозь завесу густого горячего пара ко мне приблизилась грузная женщина, под мышкой она держала мочалку, а в руке широкое ведро с выползающей из краёв пеной. Женщина молча поставила ведро на пол, освободила мочалку от упаковки, сунула её в ведро и обеими руками принялась жамкать, отчего пена из ведра ещё обильнее поползла на пол. Потом она жестом велела мне лечь, надела мочалку на руку (та оказалась варежкой) и, макнув её в пену, начала тереть мне спину. И так – беспрерывно обмакивая руку в мочалке в ведро, она натирала каждый кусочек моей кожи, нисколько не избегая интимных зон, сама поднимая мои руки и ноги, жестом требуя повернуться туда или сюда, чтобы открыть доступ к ещё не отмытому участку. Наконец банщица отжала мочалку, положила её рядом со мной на полок, взяла ведро и ушла. Следом пришла другая женщина и тоже с ведром, наполненным пеной. Она поставила ведро у меня в изголовье, и девочка Айгуль объяснила, что минут через тридцать-сорок меня ещё раз

будут растирать. «Этак они снимут с меня всю кожу, – вяло подумала я и закрыла глаза. Голова моя почему-то поплыла, и я представила, что кружусь с Серёжей в вальсе. – Почему он не хочет танцевать со мной танго? Сам сказал, что я танцую хорошо… нет, он не сказал хорошо, он сказал, танцевать с тобой удовольствие… Ну это же – хорошо!.. – я стала вспоминать кадры из фильмов, где герои исполняли танго, и сама ответила на вопрос: – Потому что с танго я не справлюсь… танго – это не кружение на раз-два-три… а жаль, танго – это так красиво…»

Из полудрёмы меня вырвала та же банщица, и тем же способом, бесцеремонно вертя, как игрушку, повторно принялась растирать меня мочалкой. Кончив, вылила на меня ведро чистой воды и в первый раз взглянула, как на человека – в первый раз посмотрела в лицо. Я рассмеялась. По-видимому, люди для неё делились на два типа: чистые – с этими можно общаться, и объект для работы – эти ещё недостойны общения. Продолжая смеяться, я поднялась на ноги. Банщица тоже оказалась смешливой, во рту у неё не хватало нескольких зубов, но она этого не стеснялась – хохотала, сотрясаясь всем своим большим телом. Я обняла её и расцеловала в обе щеки. Она похлопала меня по голой попе и предупредила:

– Мужчины любить не будут! Худая.

Я поблагодарила её за старания. Она покивала, продолжая улыбаться редкозубым ртом.

Дальше мы с Айгуль пришли в массажный кабинет. Массажистом оказался мужчина с хмурым и даже мрачным лицом. Айгуль с милой непосредственностью успокоила:

– Не бойтесь, снимайте халат, он слепой.

Массажист долго и мягко разминал мои мышцы, убирая напряжения и зажимы. Я старалась запомнить новое ощущение свободы тела, чтобы потом, когда встану, пойду, сяду по привычке не заблокировать себя снова. Когда слепец кончил и поклонился, я тоже поклонилась в ответ. Да что толку? Я видела перед собой затянутые вéками пустые глазницы. Тогда я взяла его жилистые и сильные руки в свои и крепко пожала. По его щеке покатилась слеза. «Глаз нет, а слёзные железы работают, – подумала я. – Он добрый, а лицо у него хмурое потому, что он об этом даже не догадывается. Никто ему об этом не сказал».

Айгуль перевела мои слова благодарности и прощания, и мы ушли. Я уже пресытилась этим спа-центром, но деваться мне было некуда, и я безропотно следовала за проводницей.

В следующем кабинете меня встретили три девушки, поразительно похожие друг на друга, видимо, сёстры. Усадив в кресло, а точнее будет сказать, уложив в кресло, девушки принялись вокруг меня хлопотать. Одна с энтузиазмом занялась моими ступнями, предварительно, чуть не обварив их. Вторая, обнаружив у меня свежий маникюр, предложила сделать ногти ещё красивее, например, украсить их стразами или нанести на них рисунок. Я не далась, и она занялась увлажнением и питанием кожи моих рук. А вот у третьей дел было невпроворот – она несла ответственность за мои волосы, и, судя по её высказываниям, было странно, что волосы у меня всё ещё есть. С помощью какого-то приспособления она некоторое время что-то высматривала на коже моей головы и, оттолкнув приспособление от себя, с таким трагизмом взглянула на меня, что я поняла – просто так я не отделаюсь. На всякий случай я предупредила, что не потерплю никаких запахов на волосах. Девушка обиделась, начала совать мне в руку какие-то сертификаты и делала это с такой убеждённостью, что у меня закралось сомнение в адекватности своих требований. В итоге я сдалась, согласившись на какой-то масляно опалесцирующий экстракт с лимонным ароматом, и, обречённо затихнув в кресле, мысленно себя обругала: «И чего упёрлась? Ты – в бане! Помоешь голову и никаких запахов! – я припомнила свой утвердительный ответ на вопрос Серёжи: „Ты любишь, когда за тобой ухаживают?“, и тоскливо поинтересовалась: – И с чего я взяла, что люблю?»

Следующий пункт назначения меня обрадовал, так как услуга пришлась как раз кстати. Быстро и безболезненно, напевая что-то себе под нос, очень милая, с ямочками на пухлых щёчках и аппетитная, как булочка, девушка лишила моё тело ненужных волос.

Потом меня обёртывали в какие-то маски, запелёнывая как младенца. Попутно кропотливо ухаживали за лицом. Потом надо было идти на какие-то лазерные процедуры, но я взбунтовалась: «Всё!», и Айгуль привела меня в кафе – уютное, увитое зеленью и совсем небольшое размерами.

Во время процедур я ни разу не встретилась с посетителями центра и совершенно искренне полагала, что весь этот комплекс сегодня работает исключительно ради моей персоны. А теперь увидела перед собой человек десять дам разного возраста, и, судя по их неглиже – точно таким же халатам, что и мой, – все они сегодня были клиентами центра.

– Good day! – доброжелательно поздоровалась я остатками своего английского.

Дамы молчали, внезапно и дружно онемев, хотя до нашего появления в кафе стоял гул голосов. Улыбнулась мне только девушка-бармен из-за стойки, она же единственная, кто ответил на приветствие. Айгуль потянула меня за столик, спрятанный в зелени горшечных насаждений, и, как только мы скрылись там, разговоры в кафе возобновились.

Феномен массовой утраты дара речи меня нимало не заинтересовал, меня заинтересовало, как менеджмент центра умудряется не столкнуть клиентов лбами. «Если предположить, что количество посетителей строго ограничено перечнем услуг, скажем, одна посетительница на массаже, другая в хаммаме, ну и так далее, то получается в сутки центр принимает десять… максимум двенадцать человек? Сколько же тогда стоит одно посещение центра? Да нет, – отвергла я собственные расчёты, – только в кафе сейчас порядка десяти человек, это значит, что по меньшей мере столько же сейчас в бане и на процедурах. Значит, общее количество посетителей мы увеличиваем по крайней мере вдвое, но тогда тот же вопрос: почему они не сталкиваются друг с другом хотя бы в коридорах? К тому же и время проведения разных процедур разное, что тоже неминуемо ведёт к столкновениям».

– Услуги в центре дорогие? – спросила я Айгуль.

Она расширила глаза.

– Очень! Но сюда всё равно очередь, запись за месяц вперёд! И если кто хозяйке не понравится, то уже никогда сюда не попадёт.

– Ясно.

Барменша принесла чайник травяного чая и только одну чайную пару. Я указала на Айгуль и на чашку. Айгуль замахала на меня руками, испуганно шепча:

– Нельзя! Меня уволят, если я буду пить чай с вами! Нам даже заходить в это кафе нельзя!

– Ты давно здесь? – спросила я, как только барменша ушла.

– В бане три месяца, а в Турции уже два года.

– Не скучаешь по дому?

– У меня нет дома. Родители умерли, сестёр-братьев нет. Вначале думала в Россию уехать, подружка сюда позвала. Здесь казахов много.

– Думаешь остаться навсегда?

– Не знаю. Парень есть, турок. Замуж зовёт. Наверное, соглашусь.

– Не любишь?

Айгуль пожала плечом, помолчала, уставясь куда-то над моей головой, и призналась:

– Тот, кого любила, на другой женился. Ему на мне мать запретила жениться, сказала: «Казашку в дом не пущу!»

– Господи, помилуй! А они кто?

– Русские. Он вначале меня уговаривал в Россию уехать, а потом передумал. А потом женился.

– Может, и к лучшему? Плохо, когда мужчина за подол матери держится.

– Может, и к лучшему, – согласилась Айгуль и, помолчав, жёстко прибавила: – Пьёт он. И жену свою бьёт.

Глаза её блеснули вызовом – уверена, при ней-то с этим мужиком подобного не случилось бы. И никак не объяснить, что мужчина, способный поднять руку на женщину, не годится в спутники жизни. Вначале такой пасует перед трудностью, потом заливает свою слабость алкоголем и бьёт, вымещая горечь собственных неудач на подруге. При этом совершенно не важно, какая женщина рядом, – любимая или не очень.

– Забудь его, девочка, – только и сказала я, – как можно скорее забудь.

Гул голосов в кафе вновь прекратился. На сей раз в кафе явилась хозяйка. Она заглянула в наш укромный уголок с улыбкой на лице, но увидев Айгуль, нахмурилась. Девочка вскочила с дивана и кособоко застыла, опустив голову. Подчёркнуто медленно хозяйка отвела от неё гневный взгляд.

– Как вам понравилось у меня в гостях? – вновь осветившись улыбкой, обратилась она ко мне.

Она была очень похожа на своего брата. Сохраняя то же, накопленное столетиями, благородство линий, черты её лица обладали большей мягкостью и округлостью, чем черты Мехмета. Но и признак дегенерации был тот же, и, кажется, у сестры он был ещё более выраженным, чем у брата, – когда она говорила, её нижняя губа не двигалась, а бессильно провисала, открывая зубы до самых дёсен. Но Шахины будто гордились фамильной чертой и всячески её выпячивали – у брата отвисающая губа очёркнута чернотой пышных усов, сестра же использует яркую губную помаду.

– Мне понравилось, благодарю вас, – ответила я и похвалила: – Персонал у вас замечательный – люди все профессиональные и внимательные! – я протянула руку. – Я Лидия.

– Айтач Шахин, – представилась она, уверенно отвечая на моё пожатие.

– Рада знакомству, Айтач. Но у меня возник один вопрос, – продолжала я, – как вам удаётся так распределить посетителей по кабинетам, что они не сталкиваются друг с другом? Такая трогательная забота о приватности!

Едва Айгуль перевела мои слова, Айтач беспомощно улыбнулась, а Айгуль злорадно блеснула глазами. «Ясно! Никаких секретов менеджмента нет, коридор безлюдья был создан только для меня!» – поняла я и пожалела о своём вопросе – незачем гостю знать о секретах гостеприимства. Но замешательство госпожи Шахин длилось всего пару секунд – она повернулась к Айгуль, строгим голосом отдала какие-то распоряжения и, как только та исчезла, проникновенно заглянула мне в лицо и начала отвечать на мой вопрос, а несколько позже якобы спохватилась – ах, боже мой, вы же не понимаете! – всплеснула руками и рассмеялась.

Айгуль была отправлена за свежим чаем.

– Мне брат сказал, вы не любите кофе? – полуспрашивая-полуутверждая, обронила Айтач, беря чайник и собственноручно разливая чай. – Угощайтесь! У меня очень хороший травяной чай. Берите лукум, его делал тот же повар, который вас обслуживал вчера в ресторане.

В прямом соответствии с ранее высказанной мною похвалой Айтач стала рассказывать, как много времени и сил отнимает у неё подбор и воспитание кадров.

– Это очень большая проблема, Лидия, – сетовала она. – Видите ли, я не принимаю посетителей с улицы, ко мне приходят только по рекомендациям очень состоятельные дамы, и я обязана им предоставить услуги самого высокого качества. А для этого нужны профессионалы высшего класса. Я обучаю их за свой счёт, но и требую соответствующе… обслуга должна быть вышколена. Как ни прискорбно это признать, но среди них не бывает добросовестных работников. Приходится следить и да, бывает и наказывать…

Я слушала её вполуха и поглядывала на стоявшую на ногах Айгуль. Напряжённо вслушиваясь в слова хозяйки, стараясь при переводе передать не только их смысл, но и тон, девочка не замечала, что то и дело переминается с ноги на ногу. Почему ей нельзя было присесть на диван и выполнять работу сидя, я не понимала.

– …мой брат был против моей затеи, – продолжала рассказывать Айтач, – он считал, что меня не ждёт успех. Ах, если бы вы знали, скольких усилий, скольких ухищрений стоило мне получить его разрешение! Зато теперь у меня от желающих отбоя нет! Мои спа-центры это не просто бани, женщины приходят сюда не только привести себя в порядок, но и отдохнуть, и пообщаться. На днях я открываю уже третий центр по счёту. Думаю, там я ещё и кабинет психолога открою.

И она вдруг похвасталась, что в этом спа-комплексе, прямо здесь, где чёрт знает чем занимаюсь сейчас я, она открыла студию танца. Я ожила:

– Студию танца? А сейчас можно туда попасть?

Айтач и насмешил, и порадовал мой энтузиазм, она встала и пригласила меня следовать за собой. Под взглядами вновь поражённых немотой посетительниц мы вышли из кафе.

Небольшая размерами студия была оборудована в духе танцевального зала – одна стена полностью зеркальная, с потолка льётся яркий свет, пол покрыт ламинатом. Демонстрируя воплощение своей идеи, Айтач широко развела руки, стукнула каблуком об пол и залилась счастливым смехом. В пустом зале её смех зазвенел подобно хрустальному колокольчику. Потревоженная нашим громким присутствием из боковой дверцы вышла пышногрудая женщина и слегка поклонилась.

– Лидия, познакомьтесь, это преподаватель танца Дерья, – представила Айтач и, мгновенно сменив доброжелательность на холодность, приказала Дерье: – Проведите урок! Лидия моя почётная гостья!

Дерья вновь поклонилась, посмотрела на мой халат и жестом пригласила следовать за собой. Айтач простилась:

– Занимайтесь, Лидия! Я вас оставлю.

– Благодарю, Айтач!

Моего размера в костюмерной не нашлось, и я надела то, что было, – шёлковые шальвары мы стянули шнурком в поясе, а с лифом сделать ничего не удалось – груди такого размера у меня не было, и лиф болтался на плечах тряпкой. Искать что-нибудь более подходящее, я отказалась – времени было жалко.

Несмотря на недвусмысленный приказ быть со мной угодливой, Дерья, к счастью, оказалась настойчивым и требовательным преподавателем. Она показывала движение и предлагала повторить его, я старательно повторяла, она требовала повторить ещё раз, потом ещё, но с каждым следующим разом у меня получалось всё хуже. Дерья была недовольна, и я тоже.

– Дерья, давайте попробуем по-другому, – предложила я.

Я попросила её двигаться и, наблюдая за игрой её мускулов под юбкой из редкой бахромы, одновременно старалась копировать её движения. Что-то стало получаться. Дерья иногда одобрительно кивала, иногда хмурилась. Я остановилась, закрыла глаза, припоминая своё состояние во время нашего с Серёжей танца. Увидела его тёплый взгляд и вспомнила мелодию вальса. Озарённая догадкой, я вслушалась в музыку, сейчас звучавшую в студии, впустила её в себя, проникаясь её ритмом. Взгляд Серёжи исчез, а перед мысленным взором зазмеилось тело Дерьи. Я начала двигаться, вначале неуверенно и медленно, потом смелее, ускоряясь вслед за музыкой, и, в конце концов, перестала отслеживать движения. Не я, а музыка управляла моим телом.

Стало тихо. Я остановилась и открыла глаза. Дерья одобрительно улыбалась, а Айгуль, прижав ладошки ко рту, смотрела на меня округлившимися глазами.

– Что? Получилось? – спросила я. – Получилось?! – и довольная произведённым эффектом тихонько засмеялась.

Следующий танец мы танцевали, двигаясь друг против друга. Я жестом предложила Дерье солировать. Темп музыки нарастал, вращение бёдер танцовщицы, движения рук, плеч, покачивание грудей всё более ускорялись, сохраняя при этом плавность и грацию. Не прекра-

щая своего танца, Дерья предложила солировать мне. В том же темпе, я повторила все её движения, а заканчивая танец, воспроизвела увиденный в каком-то фильме финал – продолжая покачивать бёдрами, прогнула спину назад и застыла.

Айгуль засмеялась и захлопала в ладоши.

– Ты молодец, – похвалила меня Дерья. – Я показала простые движения. Будешь учиться, станешь танцовщицей. Но чтобы было красиво, тебе надо поправиться, чтобы, как у меня! – и она ладонями всколыхнула свою роскошную грудь.

Я согласно покивала головой и, указав на неё, показала большой палец.

Передохнув, мы начали танцевать снова. Дерья показывала новые движения, учила вращению тела в разные стороны и мгновенной остановке после вращения. Танец прервали редкие хлопки хозяйки. Увлёкшись уроком, никто из нас не заметил, что она вернулась в студию.

– Мой брат говорил, что вы великолепно танцуете, Лидия, – произнесла она, как только Дерья выключила музыку, – теперь я и сама это вижу.

– Благодарю вас, у меня прекрасный наставник, – я поклонилась Дерье и вновь обратилась к Айтач: – Мне не хватит слов, чтобы в полной мере выразить вам признательность. Вы подарили мне огромное удовольствие, Айтач!

Смуглая кожа её порозовела, глаза блеснули, она и Дерье улыбнулась благосклонно.

– Мне жаль прерывать ваше занятие, Лидия, но приехал ваш муж.

«Серёжа!» – ахнула я и стремглав бросилась в костюмерную. Вновь закутавшись в халат, я ещё раз поблагодарила Дерью и пожала ей руку. Посмеиваясь над моей торопливостью, Айтач увещевала:

– Не спешите так, Лидия! У вас есть время спокойно переодеться. Я предложила мужчинам кофе.

– Мужчинам?

– Да. Мой брат заехал увидеться со мной.

– А сколько сейчас времени?

– Без четверти семь.

«Ух ты, вот это я потанцевала! – обалдело подумала я. – Из кафе мы уходили около трёх».

Ноги несли меня вперёд неприлично быстро, так что Айтач наконец отстала, и мы с Айгуль перешли на бег. Одеваясь, я заставила её записать номера моих телефонов, взяла с неё обещание звонить, если потребуется помощь, а перед дверью, укрывающей Серёжу, пожелала ей поскорее найти своё счастье.

Рывком распахнув дверь, я обежала глазами уютную комнатку, по-видимому, кабинет хозяйки, Серёжи там не было, и я неуверенно застыла на пороге. Он поднялся из кресла, обращённого к двери высокой спинкой, и успел сделать всего шаг, как я влетела в его объятия.

– Серёжка!

Прижавшись губами к моей шее, он втянул в себя воздух, но тотчас отстранился, бегло и цепко оглядел моё лицо и повёл к диванчику, на котором сидела Айтач. Сутулясь широкими плечами, из второго кресла, точно так же повёрнутого к входу спинкой, поднялся Мехмет.

Я протянула руку.

– Здравствуйте, Мехмет, рада вас видеть!

Он молча взял мою руку и, задержав в своей, провёл подушечкой большого пальца туда-сюда по ладошке – приласкал. Я отняла руку.

Они всё ещё пили кофе. На низеньком столике стояли сласти и большие чашки с кофе, сваренного, по-видимому, по-европейски – в недрах кофе-машины. Желая доставить удовольствие Айтач, я повторила восторги по поводу спа-центра, но адресовала восторги к Мехмету. Говорила цветисто и вполне искренне. Серёжа переводил для Айтач. С её лица улыбка не сходила, иногда она в ложном смущении опускала глаза долу, а иногда рассыпалась хрустальным смешком. Зато её брат ни разу не позволил себе улыбнуться и держался с такой безучастно-

стью, что я засомневалась, слышит ли он меня? Славословия свои я закончила восхищением студией танца, не забыла похвалить и преподавателя танца, и Айтач, умеющую находить столь профессиональных и приятных людей. В конце концов я истощилась и увяла, и Серёжа тотчас же начал прощаться. Подав руку Айтач, Мехмету я руки не подала.

В машину я бежала, как домой, жаждая укрыться лицом на груди Серёжи и замереть, ощущая, как едва-едва колеблются волосы на макушке от его дыхания.

– Маленькая, – шепнул он, – я волновался, звонил, ты трубку не брала.

– Да-а, прости… – залепетала я, – телефон оставила в сумке. Знаешь, у меня по жизни с позвонить не очень… а когда танцевала, вообще обо всём забыла.

– Мехмет по моей просьбе звонил сестре, чтобы справиться, всё ли в порядке.

– О-о-о, Серёжа! Ну прости, я виновата. Я и маме не позвонила… а теперь поздно, там ночь уже.

Он поднял руку с часами к глазам и подтвердил:

– Да, теперь уже завтра.

– Как твой день прошёл? – перевела я разговор. – Всё успел, что запланировал?

– Ты точно удачу вручила мне утром. Обычно спорим, а тут первый же кандидат на должность управляющего и меня, и Мехмета устроил. Представители из регионов приехали, все вовремя, все с хорошими результатами. – Сергей помолчал и вновь вернулся ко мне. – Ты такая возбуждённая пришла, глаза задорно блестят, румянец на щеках. Потом сникла. Устала?

Я глубоко вздохнула и кивнула.

– Общество жёсткой иерархии, трудно существовать в таком. Знаешь, я сегодня услышала, что среди «обслуги» не бывает добросовестных работников, поэтому за ними нужно неустанно следить. Хочется добавить: а ещё лучше бить палкой. Особенно неприятно слышать такие речи от образованного и, в общем-то, славного человека. Почему люди не понимают, что унижать собственной значимостью низко? Да и глупо! Высокое положение незачем подчёркивать, если ты имеешь его по праву.

– А если не по праву?

– А если не по праву, то высокомерием и спесью не поможешь. Требуя подтверждения значимости извне, человек именно этим требованием обнаруживает свою незначительность.

Серёжа покачал головой и возразил:

– Ты излишне критична. Весь воспитательный ресурс, включая родительский, вся пропагандистская машина транслируют, что успех – это всё! Ты успешен, и ты небожитель! Отсюда и формируется пренебрежение к людям труда. Шахины лишь результат воспитания.

– Да. И только у нас, в ошельмованной России, видимо, как наследие «советского тоталитаризма», всё ещё встречается отношение к человеку, как к человеку, безотносительно его денег и статуса. Хотя и у нас… – я поморщилась и умолкла, не договорив.

– Что у нас? – спросил Сергей.

– И у нас хватает всякого. Девочка, что меня сопровождала… Серёжа, представляешь, русская мать запретила сыну жениться на казашке. Противно, до омерзения… я словно испачкалась… Теперь её сын пьёт. Всё! Не хочу это обсуждать!

– Я думал, тебе понравится в центре.

– Мне и понравилось… баня, массаж, а потом… – я подняла к нему лицо. – Плохо без тебя. Плохо.

– Так плохо, что забыла позвонить? – улыбнулся он.

Не принимая его улыбки, я покачала головой.

– Забыла, когда танцевала… а до того всё время тебя вспоминала.

– Ну-у, что-то ты у меня совсем нос повесила, – и он потёрся кончиком своего носа о мой.

– Я есть хочу.

– Ты что, не обедала? – Сергей осмотрелся по сторонам, проверяя, где мы едем, и отдал указание водителю. – Сейчас, Маленькая, потерпи, минут десять и приедем. Я тебя сейчас барабулей накормлю. Знаешь, что такое барабуля?

Я вновь покачала головой.

– Ты в жизни не ела такой вкусной рыбки! – заверил он.

В маленьком уютном ресторанчике посетителей почти не было, и шеф-повар сам вынес нам большое блюдо с рыбой. Рыбка лежала золотистой горкой в окружении зелени.

Ела я вприкуску с хлебом, руками разрывая тушку. Сергей тоже ел руками, как всегда, не торопясь, и блестел глазами от удовольствия, наблюдая за мной.

Шеф-повар присел невдалеке за пустующий столик и время от времени поглядывал на нас, одобрительно кивая. Люди, которые любят готовить, любят смотреть, как едят их стряпню.

Наконец я насытилась, на тарелке образовалась горка обглоданных хребтов. Тщательно обтерев руки, я подошла к шефу и поблагодарила за вкусный ужин. Было приятно, что ему знакомо русское слово «спасибо». Мы разговорились – я по-русски делилась впечатлениями о кухне Стамбула, а он, смущаясь и помогая себе руками, старался донести до меня что-то важное по-турецки. Посмеиваясь, Сергей нашей беседе не мешал. Вдоволь наговорившись, я вернулась к нему, мы расплатились и пошли к машине.

По дороге в отель и потом – в переходах и лифте отеля, мы молчали. Серёжа томился желанием – склоняясь лицом ко мне, втягивал в себя воздух, рука устремлялась к моему подбородку или к шее и, едва коснувшись кожи, замирала. Шумно выдохнув, он опять отстранялся, осматривался по сторонам и, спустя минуту, вновь тянулся ко мне.

Так мы добрались до апартаментов. Дверь, отправленная назад ногой, громко хлопнула, и Серёжа оперся на неё спиной. Мрачно глядя остановившимся взглядом, с каким-то отчаянием он произнёс:

– Соскучился… боюсь коснуться тебя…

Я попятилась. Медленно отступая вглубь апартаментов, я начала раздеваться. Он столь же медленно пошёл за мной. Пальто, пиджак, галстук, сорочка падали на пол рядом или поверх моих вещей. Когда мои бёдра коснулись боковины кровати, Сергей тоже остановился. Я сняла последний предмет туалета и бросила на пол. Его взгляд на несколько долгих секунд застыл на моём лобке; очнувшись, он шагнул, и пальцы приласкали детскую нежность кожи. Я резко вдохнула в себя воздух: «Ах!» Он толкнул меня на кровать и молча рассматривал, пока обнажал себя. На мгновение припав жадным ртом к паху, выпрямился и, ухватив за бёдра, рывком подтянул к себе.

– Не двигайся… смотри на меня!

В самый момент освобождения, я устремилась к нему. Обхватив меня руками, Сергей развернулся и спиной рухнул на кровать. Огненный шар ширился, улетая вверх и низвергая нас в вечность…

– Ты сегодня другой. Молчаливый. И секс другой, – отметила я, когда мы оба вернулись в реальность.

Вся моя чувствительность в этот момент перебралась в пальцы правой руки. Я гладила волоски на его груди. Частью седые, частью тёмные они были чуть влажными и шелковистыми на ощупь, и чуть пружинили под пальцами.

– До сих пор сердишься? – спросила я и коротко хохотнула. – Если это наказание, то мне понравилось.

– Наказание?.. Нет, Маленькая. Иногда мне нужен секс без прелюдий и общения.

– Иногда когда?

Он подумал, пожал плечом и нехотя ответил:

– Вероятно, когда что-то не так, как надо.

Я склонила голову, поцеловала, а затем лизнула его сосок, кнопочкой выглядывающий между волос, и заявила:

– Я читала, что женщина способна трансформировать негативную энергию мужчины, и наиболее эффективно она это делает во время секса. Так что, можешь располагать мной.

Запоздало сообразив, что брякнула, я залилась жаром и уткнулась лбом в его грудь. Не считаясь с моим смущением, он приподнял моё лицо и долго изучал, пристально всматриваясь, словно желая что-то найти.

– Ты не подала руку Мехмету. Почему? – спросил он совсем не к месту.

– Не подала? – переспросила я и подтвердила: – Не подала.

Он помолчал и хрипло потребовал:

– Дай язычок…

Пройдёт ещё несколько дней, прежде чем я пойму, что сразу за быстрым сексом, Сергею нужен секс, исполненный ласками.

А в тот вечер я задала вопрос, который не давал мне покоя с первой ночи.

– Серёжа, хочу спросить и не решаюсь, – начала я с предисловия, но всё равно запнулась: – Ты… ты так активен… ты принимаешь какие-нибудь препараты?

Он самодовольно хохотнул и очень серьёзно ответил:

– Нет, Маленькая, не принимаю, – потом обхватил меня обеими руками и, покачав в объятиях, сказал: – Никогда не отпущу! Слышишь? Никогда! Всё время думаю, если бы не отступился тогда, ещё в школе, была бы ты рядом со мной вот так, как сейчас, всю жизнь.

«Мы были другими – и ты, и я, и как бы оно случилось, ни ты, ни я не знаем», – подумала я, а вслух спросила:

– Почему ты не женился?

Он помолчал и начал рассказывать, делая в рассказе большие паузы, видимо, наново переживая давно прошедшее.

– Я лет до тридцати пяти жил бестолково. Многие тогда так – первые деньги кружили голову. Хотел все удовольствия сразу и много. Казино, клубы, бары, бани. Калейдоскоп лиц. Спиртное каждый вечер и почти до утра. Девочки. На раз, на час, на вечер. Ни имён, ни лиц не запоминал. Я отличался от других только одним – я никогда не начинал утро с опохмела. Я начинал с пробежки. Потом подустал. Николай уже лет пять, как женат был. День рождения свой праздновал не в баре, а шашлыками на даче. Я смотрел и завидовал. Понял, тоже так хочу – жена, ребёнок, родители счастливы внучкой. Мои тогда ещё оба живы были.

Карину я встретил в одном из клубов. Она не красавица – хищное личико, высокая, угловатая, всегда без белья, всегда на высоких каблуках, в ней жило ненасытное желание развлекаться. Дома неряшливая с потухшим взглядом, она преображалась, как только её головку посещала идея нового приключения. Секс она рассматривала, как некую плату в обмен на развлечения. А ещё она нуждалась в защите. Везде, где бы она ни появилась, возникал конфликт. Мне казалось, все мужчины мира борются за право быть рядом с нею.

Наши отношения длились больше года, а закончились за пять минут. Очередная ночь в очередном ночном клубе. Я отлучился, Карина осталась ждать у барной стойки. Возвращаюсь и вижу рядом с ней крепкого парня. Она что-то ему говорит, он кивает, потом оглядывается и, сжав кулаки, направляется ко мне. Краем глаза я увидел, как зажёгся её взгляд, как на лице проступило сладострастное выражение, даже рот приоткрылся. Парень был слишком тяжёл и слишком пьян. Уворачиваясь от бестолково мелькающих кулаков, я почти не отрывал глаз от её лица. Видел, как сникло, увяло её вожделение, когда её герой, зацепившись ногой за барный табурет, упал передо мной. Она не успела скрыть разочарования, когда столкнулась с моим взглядом, но не смутилась – тряхнув волосами, насмешливо-развязно уставилась на меня. Я выпутался из груды тела перед собой и, не оглядываясь, покинул бар. Она не пошла за мной. Я и не ждал.

«Ждал, Серёжа, – с болью подумала я, – ждал, раз говоришь об этом!»

– Ты любил её, – сказала я вслух.

Он долго молчал.

– Она ещё несколько раз возникала в моей жизни, уверенная в своей власти надо мной. Сейчас она зрелая дама. Её страсть тоже стала серьёзнее. Там, где она, вспыхивают семейные драмы, рушатся отношения между давними деловыми партнёрами. Сын или отец, жених или брошенная им невеста, Карине скучны её жертвы. Давно мёртвая она подогревает свою жизнь чужой болью, – Сергей глубоко вздохнул и отрицательно покачал головой. – Я не любил её. Желал? Да! Неистощимая на выдумки, естественная в своих желаниях и нуждающаяся в защите – такой я её видел. Когда понял, что ошибался, очарование исчезло.

Сергей опять надолго смолк. Я тоже молчала, ждала.

– Была ещё одна женщина, – наконец заговорил он. – Галина. Перед нею я виноват. Мы с полгода встречались, когда она спросила, какую роль я отвожу ей в своей жизни. Предложение делать я был не готов, но жить мы стали вместе. Хорошая хозяйка, она ждала моего возвращения с работы, накрывала на стол, внимательно слушала рассказы о произошедшем за день, с покорной готовностью отдавалась и ничего не требовала. Мне казалось, за её лбом нет никаких сомнений и тревог, одна ровная безмятежность. Я много раз уговаривал себя: «Женись, у тебя будет надёжная и уютная жена, спокойная семейная жизнь, вероятны детки», и оставлял всё, как есть. Два года она старалась сделать из нас семью, потом каким-то образом узнала, что я бываю… бываю с другими женщинами. Отпираться я не стал. Ни слёз, ни скандала – назавтра вернулся домой, а её нет, даже записку не оставила, – он помолчал и неожиданно добавил: – Кое-как нашёл.

– Нашёл? Зачем?

– Я дела её финансовые веду. Дела Карины тоже.

– Тебя не удовлетворял секс с Галиной или тебе недостаточно одной женщины?

– Я не знаю, Маленькая. И то, и другое. Или ничего из этого. Я решил, что не гожусь для длительных отношений, а тем более для брака.

– А как ты решал вопрос секса?

Сергей усмехнулся.

– Это не вопрос. Плати, предложение есть на любой вкус, цвет, возраст.

– Бордель?

Сергей поморщился.

– Нет. Образованные, независимые женщины, подрабатывающие таким способом. Самая безопасная и самая доступная возможность удовлетворения. Абсолютно деловая форма отношений, не предполагающая ни ответственности, ни вины.

Он вновь умолк, а мне и сказать было нечего, и вопросов у меня не было. Через некоторое время он спросил:

– Я разочаровал тебя?

– Скорее, я растеряна. Две совершенно разные между собой женщины. Их объединяет только твой выбор. Обеих содержишь. Последнее обстоятельство меня восхищает. Ты берёшь ответственность за финансовое благополучие некогда близких тебе женщин. Для меня это явление. Нередко мужчины не желают брать на себя ответственность и за обеспечение собственных детей! – я помолчала, прислушиваясь к себе, и предупредила: – Я не ревную к прошлому, но в настоящем я хочу быть единственной. По-другому я не смогу, у меня есть опыт, мне изменяли.

– Глупенькая, зачем же ты сравниваешь? – изумился Сергей. Он даже приподнялся, чтобы заглянуть мне в глаза. – Ты – моя женщина! Твой аромат сводит меня с ума, вкус твоего ротика, вкус сокровенных складочек, – его рука скользнула к моему паху, – вызывают такое желание, что я теряю разум! Твоё тело так податливо и отзывчиво, оно словно совер-

шенный инструмент настроено на каждое моё движение! Мы совпадаем в желании, совпадаем в оргазме. Зачем же мне другие? С тобой я испытываю и страсть, и наслаждение, каких раньше не знал! – он засмеялся и прибавил: – И столь активный, как ты выразилась, я тоже только с тобой. Какая к чёрту стимуляция? Я вынужден обуздывать своё вожделение, иначе мы рискуем не выбраться из кровати!

Я и от его признаний таяла и утопала в ласковой зелени вспыхивающих золотыми искорками глаз.

– Мечта о тебе живёт во мне всю мою жизнь, – продолжал он, – просто я боялся признаться себе в этом. И лучистость глазок твоих преследует меня всю жизнь, – он нежно поочерёдно поцеловал мои глаза и прошептал: – Твои глазки очень откровенно рассказывают обо всём, что ты чувствуешь. «Глаза женщины самое сексуальное, что есть в женщине». Эту фразу я прочёл давно. Доказательств только добыть не мог. Автор забыл добавить: «Если глаза женщины умеют говорить».

– А бывает, не умеют? – спросила я.

– Бывает.

– Ты потому хочешь видеть мои глаза во время секса?

– Да. Я просто с ума схожу.

День четвёртый

В последнее утро в Стамбуле я проснулась в одиночестве. Едва осознав пустоту вокруг себя, я испугалась: «Всё сон?!» Всё, что у меня есть в груди, ухнуло куда-то вниз, сердце исчезло совсем, а тело одеревенело.

– Маленькая, я здесь, – услышала я голос Серёжи. – Встал раньше поработать.

Я выдохнула и обмякла.

– Потеряла? – спросил он, подходя к кровати. – Испугалась?

– Угу, – промычала я, укрываясь в его объятиях. – Подумала, всё приснилось.

– Я здесь, Девочка. Теперь я всегда буду рядом.

Завтракали мы торопливо, сегодня спешил даже Сергей.

– Придётся мне держать ответ перед Эльзой, – укоризненно качая головой, отметила я, – дурное влияние не замедлило сказаться, ты ешь почти с моей скоростью!

– Мы немного задержались в кроватке, – парировал он с довольной миной. – Ты ведь хочешь и в Айю, и в Голубую Мечеть? К тому же пришла посылка, и надо будет заехать в банк, потом в магазин. Ты катаешься на лыжах?

Его вопрос застал меня в тот момент, когда я откусывала от тоста с маслом и сыром, поэтому я лишь покачала головой, прожевала и только тогда ответила:

– Нет. Ни петь, ни лаять. Я хотела сказать, ни лыжи, ни коньки мне недоступны. И плаваю я только у берега. Машину не вожу. Не музицирую. Не пою. Что ещё должно быть в арсенале хорошо воспитанной барышни? – я закатила глаза к потолку и, припомнив свой главный недостаток, выдала: – Да-а, и не барышня я! Увы! – и развела руками.

Сергей посмеялся и продолжал:

– Сезон начался. Я на Медео никогда не катался.

– Ну, если ты имеешь в виду лыжи, то на Медео они не пригодятся, на Медео катаются на коньках. Лыжи – это на Чимбулаке, сейчас правильно Шымбулак.

– Вот-вот. Хочу здесь подобрать экипировку. Думаю, здесь выбор больше.

Я пожала плечами и, уже поднявшись на ноги, допила чай.

Я не только ем, но и одеваюсь быстро. Дома обычно я ждала, когда соберётся Костя, за исключением тех редких случаев, когда меня поражала распространённая женская хворь под длинным названием «нусовсемнечегонадеть», и среди вороха тряпок, я никак не могла выбрать, которую же из них уместно выгулять именно сегодня. Дело, как правило, заканчивалось джинсами, белой блузой и угрозой опоздать.

Сегодня я хворями не страдала и была готова через десять минут. Сергей оделся раньше меня, и, надевая ботинки, я с удовольствием поглядывала на него. Мне нравится, как он выглядит в костюме, но в джинсах и пуловере он тоже о-о-очень хорош! Сергей стал заметно стройнее – ещё в самолёте чуть выступающий живот исчез совсем. Но особенно меня привлекали волоски, чуть выглядывающие в мысок пуловера.

В банке мне довелось наблюдать за целым ритуалом по передаче ценностей из рук в руки. Нас проводили в небольшую пустую комнату с камерами под потолком и стойкой по типу барной, расположенной посередине комнаты. Человек в форме охраны принёс для меня стул, на который я и села в сторонке. Мужчины расположились вокруг стойки – Сергей по одну сторону, служащий банка по другую, человек в форме, заложив руки назад, встал с торца стойки на равном расстоянии от обоих. Служащий положил на стойку небольшой предмет, завёрнутый в светло-коричневую упаковочную бумагу и перевязанный крест-накрест бечёвкой с налепленными на бечёвку пломбами. Продемонстрировав целостность упаковки со всех сторон, он ножницами разрезал бечёвку в нескольких местах и содрал упаковку. На свет появилась коробочка. Теперь уже коробку продемонстрировав с каждой стороны, служащий извлёк из коробки

синий, по виду, кожаный футляр. Повернул футляр открывающейся стороной к Сергею и, не глядя на содержимое, открыл его. Сергей посмотрел в открытый футляр, поднял глаза на служащего банка и молча кивнул. Продолжая внимательно смотреть в лицо Сергею, служащий закрыл футляр и подал ему в руки. Сергей положил футляр во внутренний карман куртки. Охранник внимательно следил за всей процедурой. На стойке появилось несколько бумаг, на каждой из них, вначале служащий, потом Сергей, потом охранник поставили свои подписи. Бумаги исчезли, кроме одной, которую Сергей, не глядя, отодвинул по левую сторону от себя. На стойку лёг ещё один предмет, значительно меньший, чем первый, но так же упакованный в бумагу. И всё повторилось точно в той же последовательности. Наконец Сергей сгрёб бумаги, поблагодарил служащего банка и подошёл ко мне, похлопал себя по оттопырившейся на груди куртке и проворчал:

– Не подумал. Заедем в магазин, сумку надо купить.

Магазин, к которому нас привёз водитель, снаружи выглядел небольшим, но оказался довольно внушительным внутри, разрастаясь бутиками не только вглубь, но и вниз – в подземные торговые залы. Увидев нашу нерешительность, к нам поспешил распорядитель и, выслушав Серёжу, жестом пригласил следовать за собой. Привёл он нас к торговому залу Р., Сергей зашёл внутрь, а я зашла в бутик напротив, с выставленными на витрине дублёнками. Мне понравилась одна из них – неровно окрашенная, бежево-рыжая с длинным густым мехом на воротнике и манжетах.

– Таскана, таскана, – без устали повторял продавец, пока снимал по моей просьбе дублёнку с манекена и надевал на меня.

Дублёнка оказалась точно моего размера, была лёгкой, как куртка, длиной достигала до середины бедра, а мех на её внутренней поверхности был таким же длинным, густым и шелковистым, что и на воротнике. Продавец чмокал языком и, словно разглаживая дублёнку, всё водил и водил ладонью то по моему плечу, то по спине. Я отвела его руку и, крутясь перед зеркалом, старалась рассмотреть себя со спины.

– Маленькая, хорошо! – пришёл на помощь Серёжа. Направляясь ко мне, он на ходу перекладывал содержимое своих карманов в сумку. – Очень хорошо! – повесив сумку на плечо, он подошёл и внимательно осмотрел кожу дублёнки, пощупал мех и повторил за продавцом: – Тоскано. Берём.

– Что такое тоскано? – спросила я.

– Так называют мех тонкорунной породы овец из провинции Тоскана. Не снимай, – остановил он меня, – иди в ней. А твою куртку они отправят в гостиницу, – он кивнул продавцу, уведомляя о покупке, а расплачиваясь, пробормотал: – В те времена, когда я начинал бизнес, дублёнка из такого меха шла в Москве на вес золота.

– А сейчас они стали дешевле? – не поняла я.

– Не в этом дело. Тогда таких почти не было.

– Ты торговал дублёнками?

– Было дело. И дублёнками тоже.

– А в моей жизни было время, когда я торговала вот этой маркой, – и я постучала пальцем по его новой сумке. – «Всё для качества, качество для Вас», так кажется.

– Ты о чём?

– Девиз Р.

Пока мы шли к выходу из магазина, я в каждой витрине видела своё отражение. Так бывает, когда обновка нравится, и человек подсознательно ищет возможность полюбоваться собой ещё и ещё раз. Сергей искоса поглядывал на меня лукавым взглядом, наконец я рассмеялась и призналась:

– Нравится! Очень-очень нравится! Спасибо, Серёжа! Зашли за сумкой, а купили чудо-дублёнку!

Опершись на его руку, я подпрыгнула, намереваясь чмокнуть его в щёку. Он поймал и меня, обхватив за талию, и губы мои захватил в недолгий, но страстный плен. Открывая дверь наружу, словно в продолжение вчерашнего разговора он хрипловато бросил:

– И смех твой сводит меня с ума.

Айя и Голубая мечеть были перед глазами, поэтому Сергей отпустил машину, и мы пошли пешком. И хоть день был холодным и ветреным, я в дублёнке чувствовала себя тепло и уютно.

– Ты была в Голубой мечети? – спросил Сергей.

– Нет. Я была в Айе и больше нигде.

– Мечеть строил Ахмед Первый, она и называется в его честь Ахмедие или Султанахмет. «Голубой» её прозвали европейцы за эффект голубой дымки внутри куполов. Приём довольно простой, но весьма остроумный – в отделке куполов использованы синие и белые изразцы, и когда дневной свет приникает через многочисленные окна в куполе, то на фоне изразцов приобретает голубоватый оттенок.

– Архитектор гениален. Знаешь его имя?

– Нет, не помню.

– Мечеть своим обликом не спорит с Айей. Они словно две сестры – и похожи, и каждая хороша своей собственной красотой.

– Так и есть. Айя построена в византийском стиле, а Ахмедие соединила в себе и византийский, и исламский стиль. Мечеть строилась не в самые лучшие времена для Великой Порты. Страну сотрясало крестьянское восстание, шла война с Персией, продолжалась распря с Габсбургами за Венгрию, и, дабы снискать расположение Аллаха и во славу его, султан Ахмед решил построить величайшую мечеть. И не избежал скандала!

– Какого скандала?

– Вокруг Ахмедие построили шесть минаретов, столько же, сколько было на то время вокруг главной мечети ислама аль-Харам в Мекке. Равное количество минаретов объявили святотатством, разразился скандал, и чтобы замять его, султан Ахмед пристроил к аль-Харам ещё один минарет – седьмой. Намеренно было совершено «святотатство» или нет, доподлинно не известно. По легенде виноват архитектор, перепутавший слова, схожие по звучанию – «алтын» и «алты». Султан будто бы велел покрыть минареты золотом, а архитектор понял, что ему велят построить шесть минаретов.

– Ну да, ну да! А минареты-то выстроили за одну ночь, султан увидел результат на утро, посчитал: раз, два, три… шесть?! Святотатство, однако! Но, знаешь, случись подобное в Европе, европейцы, скорее всего, потребовали бы снести «лишний» минарет. И для острастки, и чтобы непревзойдённое оставалось непревзойдённым.

Серёжа покачал головой, не соглашаясь со мной.

– Не знаю, Маленькая, не уверен.

Близ мечети мы зашли в магазинчик женской мусульманской одежды, купили мне платок, и девушка-продавец помогла надеть его правильно. Лёгкое пальто, наверное, летнее, она предложила не покупать, а надеть прямо на дублёнку и вернуть его после посещения мечети.

– Давай зайдём через ворота султана, – предложил Сергей и привёл меня к проходу, перегороженному цепью. – Султан приезжал верхом, и цепь понуждала его склонить голову, прежде чем попасть в дом Всевышнего.

– Справедливо! – сказала я. – Какая бы власть у тебя не была, но и ты во власти Бога.

– Справедливо, – согласился Сергей. – Надо сказать, Ахмед Первый был неплохим правителем, власть получил ещё ребёнком – в тринадцать лет; правил самостоятельно и умер в двадцать семь, через год после завершения строительства мечети. Он не выиграл ни одной войны, но в народной памяти сохранился, как хороший правитель.

– Ему повезло. А может быть, дело не в везении, а в том, что турки с бóльшим уважением относятся к собственной истории, чем мы? Нашего Ивана Четвёртого Грозного кто только не пинал – и свои, и чужие. Первый венчанный царь Руси, государь, увеличивший государство вдвое – к концу его правления Россия стала размерами больше Европы. Государь, пресекший феодальную раздробленность, покончивший с набегами разного рода остатков татаро-монгольской орды, известен средь потомков как тиран, многоженец и убийца собственного сына. Оболган даже как отец. А ведь при нём был принят самый прогрессивный на то время свод положений, определяющих нормы государственного, судебного, уголовного и церковного права.

– Ну, Ахмеду как государю далеко до Ивана Грозного, – улыбнулся Сергей. – С Грозным можно сравнивать разве что Сулеймана Великого. Но ты права, Девочка, не каждому правителю удаётся пройти сквозь призму времён незапятнанным ложью. Великие всегда находятся под судом. Под судом истории, под судом историков. Их и судить всегда найдётся за что. Не может быть у правителя только праведных дел.

– Согласна, – вздохнула я. – Власть не привилегия, власть – тяжкое бремя. Кто из правителей это понимает, тот делает, что может и что дóлжно.

Разувшись перед входом, мы сложили обувь в мешочки и зашли в мечеть.

Внутреннее пространство Голубой мечети было огромным, и даже разграничивающие это пространство массивные – в пять метров диаметром – колонны, державшие на себе купол, не умаляли его размеров. Закинув голову вверх, я рассматривала цветочный орнамент стен, витиеватую арабскую графику в центре куполов и по их окружности – священные строки из Корана.

– Коран удивительно красиво написан. Я читала русский перевод.

– Али говорит, Коран теряет красоту даже при самом качественном переводе, поэтому правоверный мусульманин должен читать Коран по-арабски. Хороший мусульманин – грамотный мусульманин.

– Али это кто?

– Мой друг.

Мы молча постояли у михраба, устремив взоры в священном направлении, в сторону Каабы. Потом ещё раз обошли мечеть по кругу и присели на ковёр у колонны.

– Покой и свет… – пробормотала я, – из окон льётся свет солнечный, данный человеку Богом, и по воле гения строителя храма, и правда, голубой – небесный. Внизу свет электрический -материальный, человечий. Два мира объединены в одном пространстве – духовный мир и мир материальный, точно так, как объединены эти два мира в теле человека. Миры то спорят друг с другом, то сливаются в одно, но оба ведут человека по жизни. Четыре сотни лет эти стены впитывают в себя чаяния людей, энергию их помыслов. Сотни тысяч верующих приносили и приносят сюда либо просьбу, либо благодарность Богу. После молитвы, поверив, что не одиноки на Земле, они уходят. Уходят успокоенными, с надеждой на лучшее. Серёжа, ты веришь в Бога?

– В такого, который следит за человеком и грехи подсчитывает, нет. А ты веришь?

– Верю. Бог есть любовь. Любовь есть энергия, творящая и со-творяющая.

Покидая мечеть, я переживала странный симбиоз чувств – восторг перед дерзостью человеческого стремления запечатлеть непревзойдённую Красоту в веках, и одновременно грустила о малом сроке, отпущенном человеку для творческого подвига, – о скоротечности и хрупкости человеческой жизни.

Серёжа молчал, думал свою думу, не делясь со мной. Остановился у фруктовой лавки на колёсах и купил фрукты в подарок доброжелательной девушке-продавцу. Мы зашли в магазинчик, я вернула пальто, сняла платок и тоже отдала девушке. Она легко, с улыбкой приняла фрукты и пожелала нам хорошего дня. Мы ей пожелали удачной торговли.

По дороге в Айю я набрала номер телефона мамы. Она почти сразу взяла трубку.

– Да.

– Мам, привет! Это я.

– Лида?! – обрадовалась она и тут же упрекнула: – А я вчера весь день ждала звонка.

– Прости, мам, вчера счёт времени потеряла, когда спохватилась, у вас уже поздно было.

– Спасибо, что сегодня звонишь! Ты приедешь?

– Да, в ночь мы вылетаем. Как приземлимся, я позвоню.

– Ты прилетишь одна?

– Я не одна, мама.

– А я Косте вчера звонила.

Перед моими глазами вновь возник растерянный взгляд Кости, тот самый, которым он смотрел на меня в переходах аэропорта.

– Как он? – спросила я.

– Я не знаю, Лида, как он! Переживает, наверно. Со мной говорил спокойно.

– А у тебя всё в порядке?

– Лида, какой же у меня порядок, если родная дочь сбежала от мужа?

– Поговорим завтра, мам, хорошо? Пока! – и я прервала связь.

Сергей наклонился и шепнул:

– Всё будет хорошо.

– Будет. Отрадно, что она уже не плачет.

По мере нашего приближения к Айе, размеры её росли – собор вытеснял собой окружающее пространство. Ранее парящий над землей, теперь он подавлял монументальностью. Внутри меня росло волнение – внутренний трепет, благоговение перед встречей бог знает с какой древностью.

– Серёжка, мой разум отказывается воспринимать пропасть лет между нами и теми людьми, кто строил храм, кто пришёл на первую службу. Шестой век! Сколько это?.. Господи! Тысяча пятьсот лет… шестьдесят поколений!.. – я покачала головой, сражённая результатами нехитрого подсчёта. – А ещё раньше на этом месте стоял храм Артемиды – девы и богини плодородия, охотницы и покровительницы всего живого на Земле.

– Дева и богиня плодородия? – удивился Сергей. – Маленькая, это взаимоисключающие понятия. Так же, как охота и покровительство всего живого.

– Для нас, Серёжа! – не согласилась я. – Это для нас, воспитанных в однозначности понятий, древнейшие образы божеств, в особенности женских божеств, Артемиды, например, или Кали, не просто не понятны, но абсурдны своей дуалистичностью.

– А древние, хочешь сказать, понимали диалектику противоположностей?

– Именно, что понимали! Понимали, что мир целостен, а разделение на противоположности – это всего лишь метод упрощения процесса познания, части легче изучать! А мы из метода слепили картину мира и в дурацком чувстве превосходства думаем, что разумнее своих предшественников. Технически оснащённее – да! но не разумнее. Юстиниан построил Собор Святой Софии – Храм Премудрости Божией, ставший центром христианского мира почти на тысячу лет. Любуясь своим детищем, он горделиво воскликнул: «Соломон, я превзошёл тебя!», имея в виду легендарный Иерусалимский храм. Ахмед построил Голубую мечеть – выдающийся образец исламской архитектуры и, нарушая каноны, выстроил вокруг мечети шесть минаретов, настаивая на могуществе и величии терпящей крушение Османской империи. А Микеланджело? Он каждой своей работой спорил с современниками и бунтовал, бунтовал против античности! И его «Пьета» превзошла шедевры Древней Греции, потому что «Пьета» – это не только красота человеческого тела, вытесанная в камне, «Пьета» – это вытесанная в камне красота человеческой души. Своими мечтами и достижениями они спорили с величайшими творениями человечества, а мы…

– А мы строим коробки из металла и стекла, придумываем и создаём продукты потребления, – прервал Сергей, лукаво усмехнувшись.

– Да! Что такого произошло с нами, что от достижений мы перешли к потреблению?

– Появился спрос на технические усовершенствования! – Сергей засмеялся и поцеловал меня в лоб. – Маленькая, мы техническая цивилизация, и наши достижения отнюдь не в архитектурных шедеврах и шедеврах скульптуры, хотя и такие достижения у нас есть. Наши достижения лежат в научно-технической области – мы в космос полетели, мы химические элементы разложили на частицы. В кармане у тебя лежит устройство мгновенной связи…

– Ага… и стираю я не в корыте!

– Именно! Но в главном ты права, наша цивилизация переживает упадок. Наука всё больше уподобляется институту жречества – учёные что-то там открывают, их открытия существуют сами по себе, за пределами социума и за пределами культуры. Культура в изгнании. В обществе все более проявляется склонность к конформизму. А на эволюционной спирали не существует точки покоя – есть путь наверх, а вниз цивилизация катится сама по себе в результате инерции.

– И что? Нам предстоят тёмные века?

– Похоже. Но это будут другие тёмные века, вовсе не те, что человечество уже переживало.

– А какие?

– Не знаю, Лида. Зависимость от цифры, быть может, от искусственного интеллекта.

– Но это крест на человеке-творце!

– Не знаю, Лида. Надеюсь, всё же человек избежит кабалы конформизма.

Мы решили не брать гида, решили побродить по собору самостоятельно и проникнуться, пропитаться энергией старины. Из притвора прошли в левый неф и оказались у плачущей колонны Святого Григория.

– Серёжа, у тебя есть сокровенное желание? – спросила я и уточнила: – Такое, которое, ты точно знаешь, не может осуществиться.

Ожидая ответа, я пытливо всматривалась в его задумчивое лицо. Он кивнул без тени улыбки.

– И у меня есть! Давай воспользуемся услугами плачущей колонны, пусть исполнит! Очередь небольшая.

И мы пристроились в хвост очереди.

Каменная колонна снизу была обшита медью, за сотни лет покрывшейся густым слоем патины, зато вокруг отверстия, куда страждущие толкали большой палец, медь была отполирована до золотого блеска. Я наблюдала за тем, как люди стараются провернуть распластанную на металле кисть на 360 градусов и переживала за каждого. Кто-то расстраивался, потому что не получилось, а кто-то радовался совершенно по-детски, потому что получилось.

– Цивилизации рушатся, а люди не меняются, – хохотнула я, – надежда на чудо в человеке неискоренима. Раньше о колонну тёрлись спинами и плечами, надеясь на исцеление от недугов, а в наше время трут ладонями, как Алладин лампу, требуя исполнения желаний.

– Почему она «плачет»? – спросил Сергей.

– Не знаю. Выделение влаги на её поверхности известно с древних времён, а доказательного объяснения нет до сих пор.

Дождавшись своей очереди, каждый из нас совершил «таинство», правда мне, чтобы провернуть кисть вокруг отверстия, пришлось вставать на самые носочки ботинок. Удачно справившись с задуманным, я вернула себе то радужное настроение, какое у меня было с утра.

– Пойдём сразу к алтарю, – предложила я. – Там сохранили фрагменты мозаики удивительной красоты.

Остановившись перед алтарём, мы долго рассматривали мозаику Божьей матери с младенцем Христом на коленях. Выступающее из фона изображение Марии было не таким, какое можно видеть в наших храмах, – оно было объёмным. Её полный женственной прелести лик отличался от знакомых мне ранее – был напоен живым светом, каким бывает напоено лицо живой женщины.

– В Софии красота повсюду, в лицах мозаик и в интерьере, в архитектуре и архитектурных элементах, – восторженно прошептала я. – Красота – синоним божественности. Греки это понимали и поклонялись Красоте. Творили красоту в форме, искали красоту в законах мироздания.

Я скользнула взглядом на нелепо смотревшийся в алтаре михраб, на роскошные бронзовые подсвечники, привезённые Сулейманом Великолепным из Буды и поставленные по обеим сторонам михраба на века. Ещё одно присутствие ислама – мраморный резной минбар был установлен справа от апсиды – красивый сам по себе, но чуждый общему интерьеру храма.

– Храм много раз грабили – и мусульмане, и сами же христиане – крестоносцы разных мастей. Грабежам положил конец Мехмет Завоеватель. Именно он, восхищённый величием и красотой Софии, повелел превратить её в мечеть. Так она стала Айей. А ещё он наказал одного из христианских грабителей Софии. То был четвёртый крестовый поход, и возглавлял его дож Венеции, не помню его имя…

– Энрико Дандоло, – подсказал Сергей.

– Ты знаешь?

– Он вошёл в историю как самый престарелый правитель – стал дожем Венеции в восемьдесят пять лет и умер в девяносто восемь в крестовом походе.

– И похоронили его здесь, в разграбленной им Софии. Его гробница там, на втором этаже. Уж не знаю, правда это или легенда, но султан Мехмет велел вскрыть гробницу и бросить кости цепным псам. Давай вернёмся к колоннам, я хочу прикоснуться к ним. Они более древние, чем храм, они помнят ещё языческих божеств. Их доставили сюда по особому указу Юстиниана, повелевшего свозить в столицу все уникальные архитектурные элементы из языческих храмов империи. Вот эти – из порфира, были привезены будто бы из Рима, из храма Непобедимого Солнца, а те – из зелёной яшмы, привезли из Эфеса, ограбив одно из чудес античного мира – храм Артемиды Эфесской. Между прочим, храм Артемиды в Эфесе тоже датируется шестым веком, но шестым веком до нашей эры! Так что возраст этих колонн вообще не поддаётся восприятию.

Я выдернула ладошку из ладони Сергея, подошла к одной из порфировых колонн и коснулась её рукой. Погладив подушечками пальцев холодную гладкость камня, я мысленно поздоровалась: «Здравствуй! Я уже приходила к тебе несколько лет назад. Помнишь меня? Сколько же человеческих рук касались тебя! Взяв грубый камень, люди обтесали его, отполировали и сделали тебя, желая сотворённой красотой почтить своё божество. Другие люди приходили молиться божеству и любовались тобой. Потом, призрев храм устаревшего культа, люди ограбили его и тебя привезли сюда – в Храм Божией Премудрости». Я прижалась к постаменту колонны лбом и вдруг увидела стоявших на коленях людей, а в отдалении от них фигурку священника, вздымающего руки кверху. Я ещё не поняла, что видение возникло из глубин моей памяти, как вдруг картинка переменилась, и ужас затопил моё сознание – я увидела разгорячённые потные лица одних людей – возбуждённые, сверкающие белками глаз, и плоские от страха лица других – стоящих на коленях. Я застонала, оседая на пол и цепляясь за постамент.

Руки Сергея подхватили, не дали упасть.

– Маленькая, что? Что с тобой?

– Кровь… везде кровь…

Я слышала его голос, хотела увидеть лицо. Где спасительное тепло его глаз? А видела только те – чужие, жестокие, пьяные от крови или пустые, помертвевшие от страха.

– Серёжа, уйдём… выведи меня отсюда.

Судорожно вцепившись в его шею, я крепко зажмурила глаза, стараясь изгнать из них видение. Сергей помчался вперёд так, что у меня развевались волосы. В машине он гладил меня по голове, я слышала его ласковый шёпот, слушала тревожный стук его сердца, и видела перед собой кровавую картину резни. Как только мы вошли в номер, я сбросила с плеч дублёнку и направилась в ванную. Разделась и встала под горячие струи душа. «Кто я в том времени? Чьими глазами смотрю на происходящее? Кроме ужаса во мне ничего нет. Ужаса перед зверской жестокостью воинов, ужаса перед рабской покорностью согбенных тел, беззвучно шевелящихся губ, остановившихся глаз. Во мне нет страха за свою жизнь. Значит, мне ничего не угрожало?» Я потрясла головой, села на пол душевой кабины и представила столб света, плотной стеной окруживший меня, увидела проникающий через темя луч божественной любви, заполняющий меня и вытесняющий кошмар. Не знаю, сколько времени прошло, но ужас отступил, картинка пропала, и я вспомнила о Серёже. Поднявшись на ноги, я выключила воду и раздвинула дверцы кабины. Он стоял за дверцами.

– Маленькая…

– Всё хорошо, Серёжа. Всё хорошо. Я тебе расскажу.

Он завернул меня в халат и понёс в гостиную. Устроившись на его коленях, я начала рассказывать:

– Когда я лбом прижалась к колонне, я увидела много людей. Они стояли на коленях и молились – дети, женщины, мужчины. Одежды на них были яркие, я успела подумать, может, праздник какой? Потом налетели откуда-то сбоку воины с саблями, или это кинжалы у них были?.. кривые такие… рубить молящихся начали. Кровь во все стороны! А те, что молились, так и стоят на коленях, каждый сам по себе, только одна женщина мальчика к себе прижала, стараясь спрятать его, за телом своим укрыть. Защищаясь, она подняла руку, воин одним ударом ей начисто руку от тела отделил. Кровь… фонтаном. Мальчик под неё попал, когда она падала. Может, уцелеет? – я с надеждой взглянула на Сергея.

Не отвечая, он прижал мою голову к себе, будто укрывая от бед.

– Я там была, понимаешь? Была в храме в момент резни! – продолжала я. – Вероятно, это та резня, что случилась, когда турки захватили Константинополь. Я не знаю, кто я там. Воин? Но я испытывала ужас от действий воинов. Жертва? Но и страха за свою жизнь во мне не было. Кто-то третий? – я глубоко вздохнула и вновь взглянула на Сергея. – Я пока не знаю ответов на эти вопросы, но ответ придёт. Знаешь, Серёжа, меня никогда не посещали видения, а тут два дня назад я увидела лицо египтянки, а сегодня этот безумный кошмар.

Я ждала от него хоть какой-нибудь реакции, но он молчал. Тогда я спросила напрямую:

– Ты думаешь, что я сумасшедшая?

– Да нет же, Лида! Я пытаюсь найти объяснение случившемуся!

– Ты к теории реинкарнации как относишься? Как думаешь, человек только одну жизнь на земле живёт?

– Я не разделяю идею о переселении душ, – покачал он головой. – Абсолютно не согласен с теориями о перевоплощении грешного человека в растение, животное, а тем более в камень. Человек не сумма поступков и их качеств, человек – это способ мышления, это мировоззрение, осознание себя, своей роли и ответственности. К слову сказать, я вообще не считаю человека греховным. Я верю в стремление человека к самосовершенствованию, верю в эволюцию человека.

– Да! – я коротко хохотнула, радуясь совпадению наших взглядов. – Я тоже считаю, что эволюционное движение для человека естественно. Оно изначально! Оно как программа заложено в человеке! Но за одну жизнь мало что можно успеть.

– Не согласен. И за одну жизнь можно много сделать.

– Но если человек живёт всего одну жизнь, тогда и эволюции отдельного человека не существует. Наработал опыт, накопил знания, и куда их дальше? Тогда и смысл жизни теряется. Смысл реинкарнации я вижу не в расплате за грехи, а в возможности продолжать развитие из жизни в жизнь с учётом переосмысленного опыта предыдущих воплощений.

Он усмехнулся.

– Иначе говоря, что не успею или не смогу сделать в этой жизни, могу сделать в следующей?

– Иначе говоря, – с нажимом выделила я его оборот, – Путь эволюции отдельного человека есть акт творения развитой Личности, разделённый на фрагменты под названием Жизнь. Мироздание в высшей степени экономно и бережливо – ничто никуда не исчезает. Наработанный потенциал стремится к манифестации, а высшая манифестация человека – это слияние с Единым – Тем, Кто Исток Всего. Для такой манифестации нужен потенциал очень высокого порядка, такой, какой вряд ли наработаешь за одну жизнь, он нарабатывается многими жизнями на Земле, может быть, и не только на Земле.

– Симпатичная теория! – вновь усмехнулся Сергей. – И если допустить, что так называемое мироздание устроено по единому принципу, то логика в этой теории есть. Проживая жизнь, человек живёт изо дня в день, «умирая» на время сна. Что происходит в мозгу во время сна в точности не известно, но скорее всего, то самое переосмысление прожитого дня. Логично предположить, что точно так и душа человека – или его личность? – живёт из жизни в жизнь, а в перерывах между жизнями переосмысливает свой опыт. Маленькая, я не готов дискутировать на эту тему. Самый большой страх человека – это небытие, отсюда мечты о бессмертии, отсюда и вера в множественность жизней. Могу сказать, что лучшее, что может сделать человек, это в одну жизнь вместить несколько жизней. Уже в этой жизни начать переосмысливать свой опыт и менять жизнь.

«Как мы!» – хотела воскликнуть я, но отчего-то сдержалась и лишь взяла его руку и с восторгом поцеловала в самую серединку ладони.

– Я тебя люблю, Серёжка! А почему ты не считаешь человека греховным?

– Во-первых, потому что опыт – это всегда качество. Любой опыт есть качество, даже «греховный»! – глаза его блеснули лукавством. – Возьмём, к примеру, человека, который на протяжении всей своей жизни подвержен одному из примитивных смертных грехов, скажем, обжорству. Когда цель каждого дня – поесть!

– Хочешь сказать, человек имеет право знать, во что он может превратиться, потакая чревоугодию?

Мы оба рассмеялись.

– А во-вторых? – не унималась я.

– А во-вторых, Бог создал человека по образу и подобию своему, разве не так? А Бог не может быть греховным!

– Не может! – согласилась я и добавила: – Только одна ремарка, Бог сотворил человека не по образу и подобию своему, а по образу своему, а вот бого-подобия человек должен достичь сам! Путём наработки того самого потенциала! И ради этого великого труда Бог снабдил любимое чадо всем необходимым. Знаешь, я всё жду, когда наука наконец обнаружит доказательства духовности человека. До сих пор учёные мужи руководствуются исключительно материалистической точкой зрения – низводя человека до животного, считают, что есть, размножаться и доминировать, это всё, что движет человеком. А это не так! Скажем, я вижу человека, который стремится к познанию вовсе не ради доминирования, а исключительно в поисках истины. Абсолютный бессребреник! Что им движет? Или люди, которые творят не ради славы и денег, а чтобы выразить красоту. Создают шедевры и не очень-то стремятся представить их миру! Зачем у них такая потребность? А люди, которые любят друг друга! Десятки лет вместе,

а видишь, как они смотрят друг на друга, и понимаешь – затасканная, оболганная, низведённая до похоти Любовь существует. Вот она! И вообще, я полагаю, любить – это потребность человека, это его неотъемлемое качество! Но из страха попрать своё эго люди боятся любить, потому что любовь есть служение объекту любви.

– Значит, любить – это попрать своё эго?

– Не-ет! Любовь ничего не отнимает, Серёжа, и платы не требует, наоборот, любовь вознаграждает, духовно растит того, кто любит. Принося в дар любовь, любовью пополняешься! А тот, кто боится что-то потерять, тот не любит, точнее, не позволяет себе любить. А как ты думаешь, инволюция личности возможна?

– Не знаю, Маленькая. Теоретически возможна, скажем, при наличии определённых, искусственно созданных условий, когда вероятность выжить возможна лишь при утрате человечности. Но я надеюсь, что развитая личность не захочет расчеловечиваться. Из любых условий можно найти выход, хотя бы ценой жизни. Вот цивилизация, безусловно, может деградировать. Люди эволюционируют, а общность людей деградирует. Такой вот у нас с тобой получился парадокс!

– Я этот парадокс объясняю смещением соотношения зрелых личностей в пользу незрелых. Из деградирующей цивилизации уходят зрелые личности, а на смену им воплощаются личности-дети, просто потому что каждая личность эволюционирует в рамках своих задач, а цивилизация существует в рамках задач большинства.

– Взрослым особям нечего делать в песочнице? – засмеялся Сергей.

– Именно! Ах! – я ахнула, вдруг вспомнив о планах Сергея по приобретению горнолыжного снаряжения. – Серёжка, ты же хотел в магазин зайти!

– В Алма-Ате купим. Ты успокоилась?

Я кивнула. Ведя разговор на интересные для себя темы, я окончательно избавилась от видения средневековой расправы.

– Вначале обедать или… – он замялся в поисках нужного слова и то, что нашёл, произнёс с неловкостью, – или обряд совершим?

– Обряд? Что за обряд? Серёжа, договаривай!

И поскольку он молчал, я сделала выбор:

– Будем совершать обряд!

Он пересадил меня с коленей на диван, а сам опустился на пол. Не отрывая взгляда от моего лица, достал из кармана синюю коробочку, открыл и на ладони протянул мне.

У меня перехватило дыхание – внутри коробочки на белоснежном шёлке лежали два кольца из блестящего серебристо-белого металла с узором по ободу. Беззвучно, одними губами я спросила:

– Обручальные?

– Тебе нравятся?

Я кивнула. Сердце, вначале отказавшееся работать, пустилось вскачь, норовя выпрыгнуть из груди. Сергей поставил коробочку на диван, достал из углубления меньшее размером кольцо и взял мою правую руку. Совершал он свои действия подчёркнуто медленно, даже торжественно, и так же торжественно произнёс:

– Маленькая, я рад, что мы встретились… – сделав длинную паузу, он внезапно охрип и закончил: – Лида, я беру тебя в жёны.

Надел мне на палец кольцо и, вопрошая взглядом, прижал мою руку к губам. Я высвободила руку, вынула из коробочки второе кольцо и, в точности повторив все его действия, ответила:

– Я согласна. Серёжа, я люблю тебя!

Он с облегчением – или мне показалось? – выдохнул, поднялся с пола, взял меня на руки и понёс в спальню…

«Он взял меня в жёны?! – этот вопрос, смешанный с восторгом, ворвался в моё едва вернувшееся, растопленное негой сознание внезапно. Обмен кольцами и последовавший за ним нежный продолжительный секс не дали мне возможности в полной мере осознать случившееся. – Да! Он взял меня в жёны! Мой Бог стал моим мужем! – счастье во мне не бурлило, оно пузырилось и тихонько расширялось во все стороны, заполняя собой каждую клеточку тела, каждый уголок души. К счастью, я лежала на кровати ничком, отвернув от Серёжи наверняка глупо выглядевшее лицо. – Я – жена!» Я тихонько рассмеялась и сладко потянулась, вытянулась от кончиков пальцев ног до кончиков пальцев рук и ещё дальше, изогнувшись спиной в пояснице.

Сергей где-то надо мной тоже рассмеялся и, целуя мою спину, прошептал:

– Кошечка… спинка гибкая… красивая… Маленькая, у меня есть для тебя подарок.

– Ммм… потом…

– Это мой первый подарок тебе.

– Не первый! – я вздохнула и, сбрасывая с себя сладостную истому, повернулась к нему лицом и повторила: – Не первый! Ты настоял, и я осталась с тобой – это твой первый подарок! Ты подарил мне новую жизнь. Ты мне счастье подарил, Серёжка! – я звонко чмокнула его в подбородок и продолжала: – Второй подарок ты мне сделал сегодня – ты взял меня в жёны. Третий я загадала в Айе. О нём не скажу. Потому четвёртый… – и с пробудившимся любопытством спросила: – А какой подарок?

Он усмехнулся и вытащил из-под подушки ещё один синий футляр.

– Да! – воскликнула я и села по-турецки. – Весь день сгораю от любопытства, что же там в этих коробках? С содержимым одной я ознакомилась… – я полюбовалась на кольцо, блестевшее на безымянном пальце, и протянула обе руки к Сергею. – Что же во второй?

Сергей открыл футляр, и я в немом восклицании раскрыла рот. Из футляра брызнул свет, и по стенам, потолку и мебели разлетелись радужные зайчики. Сверкая множеством граней в луче предзакатного солнца, внутри футляра покоились четыре камня – три друг под другом, и четвёртый сбоку, в отдалении от первых трёх.

– О-о-о… – только и могла я простонать.

Камни были не сами по себе, три камня были частью колье из того же блестящего металла, что и обручальные кольца, а четвёртый – самый крупный, венчал кольцо. Я осторожно извлекла колье из футляра. Оно представляло из себя три ажурных цепочки, расположенные одна над другой, и в центре каждой в шестигранном обрамлении сиял камень – самый маленький сверху, самый крупный внизу.

Я положила колье между ладоней и на несколько секунд закрыла глаза. Камни приветливо вспыхнули голубоватым светом.

– Серёжа, я не знаю, что в таких случаях говорят. Я очарована.

Приложив колье к груди, я слетела с кровати, вновь рассыпав по комнате радужные зайчики, и подбежала к зеркалу. Верхний камень ложился как раз на край межключичной ямки.

– Мне к лицу? – игриво вопросила я у отражения Сергея.

– Иди сюда, я застегну, – хрипло позвал он.

Я вернулась к кровати и повернулась спиной. Его рука начала движение от моих бёдер, через живот, грудь, к шее… второй рукой он придерживал меня за плечо и жадно целовал спину. Я развернулась и прильнула к его губам, но он уклонился.

– Нет, Девочка. Нет времени. Повернись.

Он поднял упавшее на кровать колье и, обвив им мою шею, застегнул, потом прижался лицом к затылку, шумно втянул в себя воздух и легонько меня оттолкнул.

Я вновь подбежала к зеркалу и, осмотрев себя со всех сторон, пробормотала:

– Целое состояние. Я видела бриллиант в пять карат. Даже самый маленький из этих крупнее. Мне кажется или… – я умолкла и огляделась в поисках синего или голубого в интерьере. Ничего не нашла и договорила: – Цвет камней мне кажется голубоватым.

– Так и есть, – подтвердил Сергей, – это «голубой лёд». Первый камень я купил лет двадцать назад. Потом по счастливой случайности мне попался крупный серо-голубой бриллиант, и я обменял его на два «голубых льда». Так сложилось колье. Моя первая дизайнерская работа. Такой вот минималистский шик, – и, предваряя мой вопрос, пояснил: – Колье изготовили по моим рисункам. Тебе нравится?

– Очень!

– Жалею, что поздно начал покупать камни, в девяностых было больше возможностей собрать приличную коллекцию.

Я вынула из футляра кольцо, подержала в ладонях и сообщила:

– Этот камень новый, ты его первый хозяин.

– Не я! – возразил Сергей. – Ты его хозяйка. Этот камень я купил пять с половиной лет назад на аукционе, – выделив цифры тоном, Сергей выразительно посмотрел на меня.

– В мае? – растерялась я.

– Именно! Вчера проверил дату покупки.

Пять с половиной лет назад, именно в мае, после отвратительного, изобилующего личными оскорблениями скандала с Костей, я и позвала суженого. «Половинка… он – моя половинка, – вдруг отчего-то оробев, подумала я, надевая кольцо на безымянный палец. – Нас словно сводят».

– Чуточку великовато, – я сняла кольцо и надела на средний палец. – Тут лучше! – полюбовавшись на кольцо, то подставляя камень под луч солнца, то убирая руку в тень, я спросила: – Как думаешь?

Но он ответил именно на тот вопрос, что сидел у меня в голове:

– Слишком большое количество случайностей окружает нашу встречу – камни, сны. Я и в порт приехал раньше времени, чего никогда со мной не случалось, а приехал потому, что Павел время вылета перепутал, чего никогда не случалось с ним.

Я забралась на кровать и, не смея проявлять пылкость, скромно поцеловала его в щёку.

– Благодарю, Серёжа… ох, даже не знаю, как сказать… благодарю, что приехал в порт раньше, что увидел меня… благодарю за случайности, хотя в случайности я не верю, – и, брызнув смешком, уже беззаботно воскликнула: – И мне безумно нравится твой подарок!

Он самодовольно рассмеялся и, наскоро меня поцеловав, встал с кровати. Потянулся, расправляя спину. Я засмотрелась на его крепкие, широкие плечи, мускулистую грудь, на торс… мой взгляд опустился ниже, и дыхание участилось. Он не пускает ни руки мои, ни губы ниже своей груди. Опомнившись, я отвела глаза, сняла и положила колье в футляр, следом кольцо, громко хлопнула крышкой и стала надевать халат. Рукава халата запутались, и пока я боролась с ними, Сергей повернулся спиной и пошёл в ванную. Я с жадностью уставилась на его спину, сходившую конусом к бедрам, на компактные по-мужски ягодицы и длинные ноги.

Но пора было приниматься за дело. Я наконец надела халат, разбросила на кровати покрывало и разложила на ней портплед Сергея. Сюда же – на кровать, выложила из шкафа его вещи.

– Конечно, как у Эльзы, у меня не получится, – пробормотала я, – ну уж как получится!

Я проверила аккуратно ли закреплены брюки на плечиках и разложила костюм по внутренней поверхности портпледа.

– Не так, Маленькая, – остановил Сергей.

Я посторонилась. Он вынул костюм и, умело расправив каждую складочку, вновь положил его на дно сумки и зафиксировал резинками.

– Вот так.

Собственно, он сделал всё то же самое, что и я ранее, но вот результат выглядел не тем же самым.

– А я решила, что это Эльза собирает тебе чемодан, – пробормотала я.

– Я сам собираюсь в дорогу.

Я подала ему бельё. Он скинул халат мне на руки и начал одеваться.

– Ну, раз за дело берётся умелец, я – в душ, – объявила я и убежала.

Когда я вернулась, Сергей уже был одет и даже обут и освобождал от ярлыков мои чемоданы – их только сегодня утром доставили из магазина. Его портплед с застёгнутыми замками стоял на полу у кровати.

Я успевала и одеваться, и вынимать из шкафа свои вещи, в то время как Серёжа их упаковывал. Потом я прошлась по комнатам, проверяя, не забыла ли чего. Заглянула на всякий случай и во вторую спальню, которой мы не пользовались.

– Маленькая, иди сюда, – позвал Сергей.

Только я вошла, он протянул ко мне кулак и, ухмыляясь, спросил:

– Что это? – разжал кулак, демонстрируя на ладони маленькую разноцветную тряпочку.

Я залилась жаром, а он с той же ухмылкой продолжал:

– Это трусики? Интересно, что они закрывают? Почему я их не видел на тебе?

Я схватила трусы и сердито затолкала в карман сумки.

– Потому что ты не глядел, ты их просто порвал! Не эти, другие, такие же. Эти я успела снять.

Он захватил меня в кольцо рук.

– Ты почему покраснела? А рассердилась почему?

– Они не… не свежие… обронила, наверное, когда грязное бельё в мешок упаковывала.

– Глупенькая, какая же ты глупенькая, Маленькая! – покачал он головой. Поцеловал меня в лоб и озабоченно посмотрел на часы. – Пообедать мы с тобой не успеваем, а вот поужинать в самый раз! Чемоданы отправим в аэропорт, а сами поедем ужинать… – он сделал интригующую паузу, – в ресторан на Галатской башне. Думаю, успеем и на смотровую площадку.

– И-и-и-и.. – взвизгнула я и повисла у него на шее.

– Бегом! – поторопил он. – Времени у нас мало.

На ресепшн Сергей отдал необходимые распоряжения, схватил меня за руку, и я почти бегом, стараясь успеть за его широким шагом, понеслась за ним в машину.

Но на смотровую площадку мы не успели. Да и столик в переполненном ресторане нашёлся с трудом, зато с прекрасным видом на Золотой Рог и старый город. Сергей хотел заказать коньяк, но алкоголь в ресторане не подавали, и официант предложил заказать коктейль из бара, расположенного неподалёку от башни.

– Маленькая, ты будешь? – спросил Сергей.

– Да! Будем праздновать! Если можно яблочный сок с имбирём и чуточкой базилика. Сегодня один из самых счастливых дней в моей жизни! Такую полноту счастья я ощущала только один раз, когда Настю впервые увидела!

– Только один раз? – недоверчиво усмехнулся Сергей.

– Да! Я догадываюсь, о чём ты. Но твой вопрос не испортит мне день, потому что все вопросы о моём прошлом оправданы.

Сергей некоторое время рассматривал меня. Я уже была знакома с его пытливым взглядом, но этот мне показался несколько жёстче остальных.

– Я встретил его в Екатеринбурге в ресторане, – сказал он. – Немного поговорили. Мне с ним вспоминать было нечего, только ты для обоих интересна. Он сказал, что вы разошлись, и он до сих пор не может забыть тебя.

Я перевела взгляд на залив – он ещё был виден в угасающем дне, и начала рассказывать историю своих первых отношений.

– Он был самым настойчивым. Первый мой поцелуй с ним. Он мой первый мужчина. Он отец моего ребёнка. Замужем за ним я была двенадцать лет, и до свадьбы больше четырёх лет вместе. Когда уходил к другой, не пожалел – сказал, что изменял мне все двенадцать лет нашего брака. А знаешь, как он объяснил свой выбор? Сказал, что не может быть таким же подлецом по отношению к своей новой женщине, как все те, кто бросал её до него. Вот так. А Настя себя обвинила: «Я плохая. Я болею. Поэтому папа ушёл». Эту запись я в рисунках её нашла. После её смерти. Когда он ушёл, ей одиннадцать было.

Игла, вонзившаяся в сердце, прервала мне дыхание. Превозмогая боль, я медленно втянула в себя воздух и, покачав головой в ответ на тревогу Сергея, успокоила:

– Всё в порядке! Сейчас пройдёт. Я не виню, что он ушёл от меня – любовь всегда права. Но он ушёл и от дочери. Нельзя вычёркивать из своей жизни детей, они всегда жертвы в непростых отношениях родителей. Я никогда не говорила Насте о нём плохо, никогда его не обвиняла. На её вопрос, почему ушёл, ответила, как понимала: «Встретил свою любовь». За два года до смерти она нашла его через социальные сети. Она нашла – брошенная им дочь, не он. Не знаю, почувствовал ли он радость оттого, что она нашла его, сказал ли ей спасибо? Оценил ли, что обиды у неё нет на него? Я читала одно письмо из их переписки. Я говорила тебе, Настя немного писала. Мы с Костей после её смерти решили книгу издать. Собирая тексты, я просматривала записи в её компьютере и наткнулась на это письмо. Странное это было письмо. Он поучал Настю, как надо к людям относиться. Судя по всему, он не понимал, каким зрелым и великодушным человеком была его дочь. Так вот он и ей наврал, что единственная женщина, которую он любил, это её мать. Этого в письме не было, это Настя мне сама сказала, когда призналась, что нашла «папу». Знаешь, так и сказала: «Я нашла папу», ни капли иронии.

Официант принёс воду в высоких стаканах, тарелки с закуской и фруктами. Пока он расставлял всё это на столе, я смотрела на разгорающийся ночной иллюминацией Стамбул и вспоминала тот разговор с Настей. Вначале она весело и легко рассказывала, как искала «папу», а потом, упрямо и неуступчиво глядя на меня, заявила, что её «папа» очень меня любил.

– Действия красноречивее слов, – сказала я, как только официант ушёл. – Настин отец придумал сказочку про себя, про меня, сам поверил в неё и рассказывает общим знакомым при встрече. О своей любви ко мне, о своём благородстве по отношению к другой. Только Насте места в этой сказке не нашлось.

– Он знает, что Настя умерла?

– Конечно, Серёжа! Костя нашёл его номер в списке абонентов Настиного телефона и сообщил. На похороны «папа» не приехал. Когда книгу издали, ему тоже отправили, в книгу диск с фотографиями Насти вложили. Подруги Насти из её фотографий видеоролик сделали, с первых дней жизни и до… до почти последних. За посылку поблагодарил. Выразил просьбу, чтобы и наши совместные фотографии, типа свадебных, оцифровала и послала. Дескать, нет у него ничего, а хочется, память, дескать.

– Отправила?

Я отрицательно покачала головой и, закрывая тему, придвинула к себе тарелку и взяла в руки приборы.

– Прости, Маленькая, – произнёс Сергей, – я дурак. К прошлому ревновать глупо, – он поднял стакан с водой, приглашая чокнуться. – За счастливый день! За тебя, Девочка!

Поглядывая на него, я любовалась, ласкала взглядом его большие руки, шею, выглядывающую из ворота пуловера. Смотрела, как двигаются его челюсти. Рассматривала лицо – продолговатое с высоким лбом и твёрдым подбородком, с крупным прямым носом с широким основанием и укромно скрытыми ноздрями – и думала: «Он первый мужчина, которым я восхищаюсь. Потому что люблю? Да, но не только поэтому. Он, и в самом деле, особенный. С ним каждый мой день наполнен счастьем. Потому что люблю? Да, потому что люблю».

– Серёжа, мне показалось, или ты действительно опасался отказа? – спросила я, когда мы ещё раз выпили за счастливый день, но уже чокнулись коктейлями.

Он сразу понял, что я говорю об «обряде», и улыбнулся:

– Чуть-чуть.

– Не-ет, – протянула я, не веря.

– Я боялся, что ты скажешь: «Беру в мужья».

Мы ещё раз подняли бокалы и ещё раз чокнулись.

– За тебя!

– За тебя!

Сергей очень удачно рассчитал время. Пройдя через таможенно-пограничные формальности, мы прямиком прошли в салон самолёта.

Я сразу разулась и с ногами забралась в кресло. Сергей, наоборот, занял собой всё пространство – вытянувшись в кресле, выставил ноги далеко вперёд.

– Ты упомянула, что торговала Р. Расскажи, чем ты занимаешься, где работаешь?

Я прищурилась и, напоминания наш первый полёт, холодно спросила:

– Это допрос? Тебе с подробностями или сухие факты подойдут?

Он расхохотался. Осмеявшись, приготовился слушать – взял мою руку и поднёс ко рту. Я некоторое время наблюдала, как его губы перебирают мои пальцы – захватывают самый кончик одного, зубы в это время прикусывают подушечку, отпускают, и следом другой палец попадает в ласковый плен. Зелёные с золотыми искорками глаза смотрят внимательно, влекут, не могу оторваться. Я вздохнула и начала рассказывать:

– В найме не работаю с девяносто какого-то года. Погоди… наверное, с девяносто четвёртого. Пока Союз разрушали, деньги обесценились, моей зарплаты нам с Настей стало не хватать. Ну да это было в каждой семье в те годы…

Меня прервала стюардесса – склонившись над нами, она попросила пристегнуться. Я спустила ноги с кресла, защёлкнула замок ремня и продолжала:

– Я уволилась. Вначале шопингом занялась. Приятельница с прежней работы с собой в шоп-тур пригласила. Она бывалая, ещё при Союзе приторговывала. Деньги я взяла в долг, проценты в те времена были бесчеловечными – один процент в день. В итоге вся моя коммерция только и позволяла оплачивать самое необходимое да оставлять по тряпке из привезённого товара членам семьи в качестве подарков. Три раза съездила – сюда в Турцию два раза и в Индию один раз, и всё с одним тем же результатом. Хорошо, что с долгами рассчиталась. Потом с сетевым маркетингом познакомилась. Подписала контракт ради продукта – компания биологически-активные добавки продвигала. Я понимала, насколько они нужны Насте, в это время она перестала расти, за два года ни сантиметра не прибавила. Рост 142 сантиметра в тринадцать лет. Настя стала принимать продукты, и за месяц сразу два сантиметра плюс! – я рассмеялась, вспомнив, как мы с ней плясали «джигу», радуясь этим двум сантиметрам. Тогда её кашель ещё не был мучительным, он просто был. – Про биологически-активные добавки разное болтают, но Настя столько не прожила бы, если бы не эти продукты. Чтобы покупать их дешевле, я решила в компании работать. Я там и поныне, уже двадцать два года. Имею вполне приличный – по меркам Казахстана, конечно, – остаточный доход. С Костей встретилась там же и ровно тогда, когда устала быть одна. Одна моя приятельница как-то сказала: «Одинокая женщина подобна разменной монете». Она имела в виду себя, но эту истину я хорошо прочувствовала и на себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.